Ю. ЛАРИН

алкоголизм и социализм

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ С АЛКОГОЛИЗМОМ 1929

Ю. ЛАРИН

АЛКОГОЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1929

8-я типография «Мосполиграф»
Москва, ул. Фридриха Энгельса
(б. Ирининская), д 46. Т. 4-69-41
Главлит № А—47647
Тираж 15.000 экз.

АЛКОГОЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ[1]

1. Три предпосылки построения социализма.

Когда была совершена Октябрьская революция, то оказалось, что для осуществления социализма, нужно решить сначала три предварительных задачи.

Первая задача — задача военная: оборонить победивший пролетариат от нападений буржуазии извне и изнутри и тем самым обеспечить возможность строительства социализма.

В общих чертах в нашей стране эта задача была решена в предварительном порядке в первые 4 года после Октябрьской революции: к 1921 г. кончилась гражданская война, кончилась борьба с интервенциями, кончилась первая полоса нашей революции. Конечно это не значит, что тем самым уже исчезли для нас всякого рода заботы, всякого рода трудности, связанные с обороной нашей страны против буржуазии. Если у нас нет открытой войны с буржуазией, то самый факт существования буржуазии побуждает нас тратить громадные средства на подготовку обороны нашей страны. Известно, сколько денег из государственного бюджета идет на организацию Красной армии и флота, сколько денег идет на ОГПУ, сколько денег идет на работу по созданию военных заводов, военной промышленности,

---

[1] Из доклада, сделанного 8 июня 1928 г. на партийном и профсоюзном активе Володарского района Ленинграда.

какое количество материала — железа и другого сырья— идет для этой военной промышленности. Все эти расходы на подготовку обороны ложатся тяжелым бременем на трудящихся. Цифра этих расходов составляет 1 миллиард в год.

Таким образом, хотя первая задача —задача военной обороны пролетарской революции —решена в предварительном порядке, мы отбились от открытого нападения буржуазии и занимается мирным строительством, все-таки надо помнить, что угроза войны есть, что подготовка к обороне стоит нам 1 миллиард в год. А насколько это крупная величина, видно из того, что, за 4 года мы смогли бы на четыре миллиарда рублей построить примерно жилища для пяти миллионов человек. По нынешним ценам жилищного строительства можно было бы за 4 года построить три таких города, как Ленинград—как тот Ленинград, который создавался 200 лет и который имеет 1 700 тыс. жителей.

Необходимость военной защиты суживает, уменьшает размах нашей хозяйственной работы.

Кроме этой первой задачи—задачи военной обороны революции, задачи обеспечения возможности строить социализм—у нас была вторая предварительная задача: это—задача изыскать средства, создать материальные предпосылки для того, чтобы социализм можно было построить. Социализм заключается ведь не только в перераспределении того, что уже было отнято у буржуазии, а в создании нового хозяйства, которое даст такие лучшие условия жизни для всех трудящихся, которые далеко оставили бы за собой позади все то, что было известно старому миру.

Вот эта вторая предварительная задача для построения социализма—изыскание средств, с которыми можно было бы приступить к созданию нового общества—за-

няла у нас после окончания гражданской войны еще 6 лет, потому что наше хозяйство было разрушено, и понадобился ряд лет, чтобы поднять его до довоенного уровня. Только в последние годы мы перешагнули через этот уровень.

Таким образом только теперь создалась возможность начать вкладывать новые крупные средства не только в пополнение и исправление тех пробелов, какие оказались у нас за время империалистической и гражданской войны, но оказалось возможным вкладывать средства для социалистической перестройки нашей страны, создавать новую промышленность, новую культуру.

Затем благодаря разрешению этой второй предварительной задачи мы подошли к разрешению третьей предварительной задачи, ибо для построения социализма нужна не только военная безопасность, не только наличие культурного хозяйства и средств для его ведения, но нужны еще люди, которые по своему духовному складу, по своим навыкам, привычкам, взглядам, чувствам и настроениям были бы способны строить новое социалистическое общество. Между тем рабочий класс, который 11 лет тому назад совершил Октябрьскую революцию, который взял власть в свои руки, наш рабочий класс еще не достиг совершенства.

Рабочий класс вел борьбу против царизма, против основ старой России, против господствующих сил ее, но вместе с тем рабочий класс был частью старой России,—он жил в ее условиях, в ее обстановке, и поэтому в его сознании, психике, поведении отразился этот старый, гнилой, отвратительный строй. И если теперь у нас в стране, на двенадцатом году революции, мы видим еще массу безобразия, то это происходит не только потому, что в нашей стране есть остатки буржуазии, которые, работая с нами, вредят, саботируют и

т. д.,—это происходит и потому, что мы сами культурно недостаточно подготовлены для разрешения тех задач, которые перед нами стоят.

Рабочий класс—и это есть третья предварительная задача—для построения социализма должен перевоспитать сам себя, чтобы новыми руками успешно строить социализм.

—

Вполне понятно, почему у нас рабочий класс вступил в Октябрьскую революцию культурно и общественно невоспитанным. Ведь сознание людей, сознание общественных классов, их чувства, привычки, поведение—все это зависит прежде всего от тех производственных отношений, в которых они находятся. Возьмите с одной стороны крестьянина, а с другой стороны—заводского рабочего в их отношении к религии. Производство крестьянина основано на урожае. Урожай основан на погоде: будет хорошая погода—будет хороший урожай, не будет хорошей погоды—крестьянин будет голодать. Между тем погода при настоящем уровне науки и техники еще нам не подвластна, от нас не зависит; мы можем направлять энергию машин на заводе, мы можем управлять паровыми котлами, но мы не научились еще управлять тучами на небе. Конечно мы учимся, наука идет вперед, делаются опыты в этом отношении, и надо думать, что уж не так далеко то время, когда мы сможем влиять на погоду. Но пока еще этого нет, пока погода является для крестьянина чем-то независящим от его воли, и стало быть вся его жизнь, все его производство зависит от какой-то неизвестной ему высшей силы, которая посылает дождь или засуху, хорошую или плохую погоду, урожай или голод,—крестьянин верит в эту высшую силу, в бога.

Совсем другое дело—сознание, психика, чувство, настроение заводского рабочего. Благосостояние рабочего,

его работа на заводе зависят не от какой-то неизвестной неведомой, таинственной силы, которой нельзя управлять, а от работы машин, которыми управляет человек.

В сознании заводского и фабричного рабочего нет места для бога, для веры в какие-то сверхестественные неизвестные силы.

Рабочий класс, хотя и произвел социалистическую революцию двенадцать лет тому назад, но у него еще духовного социалистического склада не было, не было у него еще полного социалистического сознания, ибо старые производственные отношения были не социалическими, а буржуазными, а еще раньше — помещичье-крепостными. Новые же социалистические производственные отношения создаются только после революции, и поэтому только после революции начинается и постепенная переделка всей психологии рабочих на социалистический лад. В рабочем классе имеются остатки старого, которые нужно с себя сбросить, для того чтобы быстрее, увереннее и гораздо более успешно, чем теперь, строить социализм, потому что с теми средствами. которые у нас есть, мы могли бы достичь гораздо большего, если бы умели с ними как следует обращаться.

Долголетнее крепостное право, долголетнее влияние буржуазии и нищета, в которой находились рабочие и крестьяне при царизме, наложили на душевный склад рабочего класса такие особенности, которые должны быть перевоспитаны, изменены, для того чтобы мы могли более успешно строить социализм. В этом и заключается смысл того лозунга культурной революции, который дан партией в последнее время. Эта культурная революция, т. е. переделка душевного уклада нашего рабочего класса на новый социалистический лад, воспитание нового человека в нас самих, является третьей

предварительной задачей, необходимой для построения социализма в нашей стране.

Таким образом:

1) военная крепость, 2) хозяйственное полнокровие, 3) культурная переделка рабочего класса—это необходимые предпосылки для успешного социалистического строительства.

2. Тройное наследие старого мира.

Между тем у нас остатки старого мира особенно сильны. Крепостное право отменено у нас сравнительно недавно, всего 60 с небольшим лет. Подавляющая часть трудящихся нашей страны была крепостной у помещиков.

Сейчас живет только второе поколение взрослых людей после крепостного права. Весьма понятно, что если все это было так недавно, а крепостное право продолжалось сотни лет, то оно должно было оставить в душе наших трудящихся глубокие следы. Эти следы можно охарактеризовать следующими чертами. Чувство человеческого достоинства в широких массах трудящихся в том числе и в пролетариате очень слабо развито. У нас нередко вскрываются разные гнойники. Сплошь и рядом мы наталкиваемся на подхалимство, приниженность, угодливость и всякие другие виды унижения человеческого достоинства среди рабочих, не освободившихся от рабской психологии, унаследованной от прошлого, даже теперь, когда власть уже 12 лет принадлежит рабочему классу. Мы встречаем терпимость целыми годами по отношению к таким поступкам, как произвол, самодурство, насилие, злоупотребление.

До революции были десятки тысяч помещиков во всей стране, из этих помещиков некоторые были министрами,

губернаторами, исправниками и разумеется они творили все, что хотели, они притесняли людей, им подвластных. Но кого они притесняли—людей другого класса, т. е. рабочих и крестьян, трудящихся. Какую-нибудь работницу, швейку, модистку, горничную любой дворянин-помещик, любой офицер позволял себе соблазнить, купить за деньги из-за простой прихоти, а потом бросить, по отношению же к женщинам своего круга это не допускалось, ибо дворянский класс не имел таких навыков рабства, которые мы имеем в себе, после того как сотни лет наши предки были рабами. Покорность всякому начальству, терпимость ко всякого рода нарушению человеческого достоинства глубоко вошли в наши привычки. Возьмите такие факты, когда в целом ряде случаев заведующие отделами, заведующие цехами, иногда директоры заводов, иногда председатели фабзавкома, иногда даже секретари ячейки позволяли себе требовать и добиваться того, что работницы или женщины, служащие в учреждениях, принуждены против своей воли им отдаваться, или прямо насилуются ими, и окружающие терпят это годами. Конечно бывали случаи, что жаловались, но, потихоньку, ворчали между собой, но не шли за это в бой, как бы следовало. Иначе не было бы того, что целый ряд таких случаев вскрылся только теперь, когда партия провозгласила специальный поход для очистки всей гнили, накопившейся у нас.

В дворянской среде, если какой-нибудь дворянин пробовал так обидеть дворянку, как у нас вышедший из среды рабочих председатель фабзавкома или директор фабрики обижает иногда работниц,—такие случаи не терпелись; немедленно следовала дуэль, убийство, расправа и т. д.

А у нас это в ряде случаев подолгу оставалось безнаказанным, без бурного протеста окружающих. Это показывает, насколько в нас живут еще следы, остатки старого рабства, старой терпимости ко всяким безобразиям.

Таким образом от старого крепостного права нам остались в наследие преувеличенная терпимость к отрицательным сторонам жизни и привычка к грубому обращению с людьми, ибо люди были при крепостном праве вещами и относились к ним с невниманием, с пренебрежением.

Поэтому мы видим, что сплошь и рядом в рабочей среде даже считается молодечеством обмануть например какую-нибудь девицу и потом хвастать перед товарищами: вот как я ее здорово обошел!

Вот этот остаток крепостного права — терпимость к отрицательным сторонам жизни и страх перед теми, кто в данный момент господствует, с одной стороны, и с другой — грубое, невнимательное отношение к более слабому человеку, к подчиненному, — это остаток рабского строя нам предстоит изжить.

Далее возьмите последние 60 лет, когда крепостного права уже не было, но была работа пролетариата на буржуазию. От этого времени осталось недобросовестное отношение к работе. Когда буржуазия была хозяином фабрик и заводов, она из кожи лезла, чтобы разбогатеть еще больше, каждый капиталист хотел, чтобы его фабрика, его завод как можно больше расширялась, чтобы его государство могло как можно больше ограбить другое государство и т. д. Почему у них, у буржуазии, было такое отношение к жизни? Почему они работали с увлечением, со страстью?—Потому что они были господами положения и знали, что

все, что они делают — они делают для себя. Поэтому в свою работу они вкладывали всю свою душу.

А рабочий класс дореволюционного времени работал не на себя, а на буржуазию, на царизм, поэтому и отношение к этой работе, к своим обязанностям у него было равнодушное, пренебрежительное, очень часто враждебное.

Увлекала иногда поэзия самого труда: хотелось быть хорошим, замечательным токарем, но дальше дело не шло.

И это отношение к делу, к работе, как к чему-то постороннему, к чему-то не такому дорогому, не такому важному, как свое собственное благополучие, — это отношение во многом конечно сохранилось еще до настоящего времени.

Оно приводит к бюрократизму, к неумению управлять, к плохому отношению к делу сплошь да рядом со стороны людей из нашей собственной среды.

Нам предстоит переработать и это наследство буржуазии, изменить наше отношение к делу, к работе.

Если мы теперь посмотрим на третье наследство, оставшееся нам от прошлой нищеты, то мы увидим следующее. Наша страна была гораздо беднее других буржуазных государств, ибо нигде не было такого грабительского помещичьего класса, такой грабительской буржуазии, как у нас, обиравшей трудящихся до последней нитки, не заботившейся о том, чтобы поднимался уровень народного благосостояния.

Помню, как в один из первых моих приездов за границу в 1906 г., когда был собран партийный съезд в Стокгольме (Швеции), мы провели там на съезде целый месяц и жили не только в самом Стокгольме, но и ездили с группой товарищей смотреть шведскую де-

ревню под городом, смотреть, как живут шведские крестьяне.

Всего сильнее нас поразило в шведской деревне вовсе не то, как живут крестьяне. Мы понимали, что шведский крестьянин должен жить лучше нашего, а нас поразило, что в каждом почти крестьянском дворе мы нашли хлев для коровы, в котором был деревянный пол, были окна со вставленными в них стеклами, и что больше всего нас удивило—это то, что на каждом застекленном окне в коровьем хлеву висели кисейные занавески. Мы спрашивали крестьян: «Что у вас секта такая, почему у коров занавески висят?». И получили ответ: «Корова не любит, когда слишком светло, и не любит, когда слишком темно; поэтому мы устраиваем застекленные окна, но завешиваем их кисейными занавесками». Тогда мы поняли осязательно разницу в уровне жизни шведского крестьянина и нашего.

Разумеется неслыханная нищета, которая была у нас, должна была породить такое явление — как пьянство, потому что если у человека ничего нет, то ему ничего не остается для того, чтобы отвлечься от своей тяжелой жизни, кроме пьянства, и б о п ь я н с т в о—э т о с а м о е д е ш е в о е «у д о в о л ь с т в и е». Купить маленькую бутылочку водки можно вскладчину: и стоит дешево и выпить могут несколько человек, а купить билет в театр вскладчину нельзя, потому что на одно место несколько человек не сядут. Кроме того хороший билет в театр, да еще если в хороший театр, даже при наших условиях стоит дороже, чем маленькая бутылка водки. А тем более это было раньше. Из этой нашей нищеты вытекало, что в свободное от работы время трудящиеся находили единственный выход для отдыха, развлечения и забвения в пьянстве. Из этой же самой

нищеты вытекала и вторая черта—очень легкого отношения к общественным, к государственным средствам.

Наша страна отличается от других стран тем, что из всех преступлений, какие у нас совершаются, меньший процент занимают убийства; но это вовсе не потому, что у нас меньше совершается убийств на каждые 100 тыс. жителей, чем в других странах, но потому, что у нас гораздо больше случаев воровства на каждые 100 тыс. жителей, чем в других странах. Воровство в свое время естественно вытекало из нашей нищеты: не считалось зазорным и предосудительным взять то, что плохо лежит.

Стоит вспомнить то громадное количество растрат, которое бывает в профсоюзах. Даже в европейских социал-демократических союзах, которые являются обычно ни чем иным, как прямой агентурой буржуазии, нет такого количества растрат, нет таких явлений, чтобы доверенные лица так часто тащили из кассы профсоюза и растрачивали общественные деньги, как это делается у нас; это отпечаток истории нашего воспитания, отпечаток той нищеты, в которой десятки лет воспитывался рабочий класс.

Помню, когда я приехал в тот же самый Стокгольм в Швеции, то первое, что меня поразило,—это то, что в вагоне трамвая только один вагоновожатый и нет кондуктора. Там было такое правило: все входят через заднюю площадку и едут, куда им нужно. При выходе через переднюю площадку в прибитую жестяную коробку каждый, сходя с вагона, опускает свой пятачок; если проехал две станции, то опускает десять копеек — каждый знает сколько он проехал, и столько опускает. Мы глазам своим не верили, а Швеция на этом деле экономила на каждом вагоне содержание одного кондуктора (шведская копейка называется «эрэ»).

Или еще пример: партийный съезд в Стокгольме происходил в Народном доме шведской рабочей партии. Вблизи этого народного дома был большой ресторан, куда мы ходили обедать. Оказалось, что в этом ресторане, как и в других так называемых «народных» ресторанах, существуют такие правила: каждый посетитель при входе в помещение дает девушке, которая стоит у входа, 50 копеек. После этого он заходит в комнату и берет сам себе еду, какую он находит нужным, и ест столько, сколько находит нужным. Шведы высчитали, что человеку, для того чтобы быть сытым, нужно съесть примерно столько-то и что это примерно стоит 50 копеек. Поэтому, если в среднем все люди будут платить 50 копеек—один съест поменьше, другой побольше,—то в общем ресторан окупится. Это не какой-нибудь благотворительный ресторан и не какой-нибудь ресторан со стандартизацией, а обыкновенный частный буржуазный ресторан, хозяин которого устроил его для своей прибыли, считая, что из этого полтинника столько-то копеек пойдет ему в карман. У нас бы старались за полтинник «наесть на пять рублей», да еще с собой унести,—благо нет контроля!

И вот я задал себе вопрос: — отчего это происходит? Отчего в трамвае, в столовой очевидно мало крадут? Ведь в Швеции есть тоже малоимущие люди, есть совсем бедняки и есть безработные.

Почему шоссе, которое ведет в деревню из города, обсажено плодовыми деревьями, которые никто не думает срывать?—Крестьяне продают с них плоды, как из собственного сада.

Думаю, что это происходит по двум причинам: во-первых, от того, что общий уровень жизни там выше, там нет такой бедности, нет такого количества бедных. Во-вторых—и самое главное—в Швеции, которая была

в то время страной по преимуществу крестьянской, уже много сотен лет нет крепостного права. Уже много сотен лет, как они ведут собственное хозяйство, привыкли думать, что они работают на себя; в них впиталось такое убеждение, что, если я беден, то не потому, что меня другие обижают, что барин у меня все отбирает и сам роскошествует,—но моя бедность происходит от того, что или бог меня наказал, или я не сумел вести хозяйство, или просто это какое-то несчастье. Одним словом тамошние бедняки считают святыней частную собственность и поэтому считают себя обязанными, хотя за ними никто не смотрит, опускать свой пятак в жестяную кружку в трамвае или, придя в в ресторан и заплатив полтинник, съесть только на полтинник.

Мы, разумеется, почитание частной собственности не считаем такой добродетелью, хотя мы боремся против буржуазии не таким путем, чтобы ее обкрадывать, а стремимся к тому, чтобы победить ее открыто. Мы наших нэпманов стремимся вытеснить улучшением государственной и кооперативной торговли, экономическим путем и налогами, а не так, чтобы «смазать» хорошенько того или другого взломщика и ночью послать его обокрасть нэпмана в квартире или лавке.

Вот обстоятельства, которые остались нам в наследие от царского времени в виде недостаточного чувства человеческого достоинства, грубого отношения к товарищам, равнодушия к работе, к тому делу, за которое взялись, бюрократического, невнимательного, небрежного отношения к народному достоянию, государственным и общественным средствам, и как венчающее все это,—единственное развлечение, единственное забвение своих горестей, единственная радость—пьянство. Это наследие, оставшееся от старого

времени, является тяжелым грузом, замедляющим строительство социализма. И только преодолев его, мы сумеем более успешно продолжать нашу социалистическую стройку.

Вот почему партия и ставит сейчас задачу культурной революции. Суть ее, как уже отмечалось, в том, что новые производственные отношения, т. е. такие отношения, при которых пролетариат—господин всего хозяйства, такие отношения должны создать и новый духовный склад.

3. Победа над собой.

И вот когда мы присматриваемся к этим остаткам старого, мы задаем вопрос: с чем бороться всего труднее? С остатками рабства, с терпимостью к отрицательным сторонам, с грубостью бороться сравнительно легко, потому что самый факт Октябрьской революции, само наше строительство, при котором рабочий класс фактически является господином всей страны, дает каждому пролетарию такую зарядку, такой рост самосознания, самоуважения, что все это можно сравнительно легко победить.

Что касается второго наследия буржуазии—плохого отношения к работе, то с этим также можно бороться не плохо, мы выдвинули такие способы оплаты труда как например сдельная зарплата и другие формы, которые заинтересовывают рабочего в более усердном отношении к свой работе. В борьбе с воровством и растратами, которые существуют, вспомогательным средством служит наказание, опасение тюрьмы, позор перед всем рабочим классом.

Наиболее трудно бороться не с этими остатками рабского времени, а с тем, в чем всегда трудящиеся на-

ходили для себя отдых и отвлечение от своих бед: труднее всего бороться с алкоголизмом, с выпивками, с пьянством.

Мы видим сплошь и рядом, что товарищ без колебания, рискуя своей жизнью, зная, что его могут убить, все-таки шел в бой за рабочее дело; на это у него всегда хватало силы воли. Но мы видим, что у этого же товарища не хватает силы воли для того, чтобы отказаться от пьянства, чтобы отказаться от выпивки. Сплошь и рядом в нашей среде даже уважаемые, известные всем товарищи остались и по сие время пьяницами, несмотря на то что они знают, какой вред это приносит всей общественной и государственной работе.

То же самое относится и ко всей массе рабочего класса, потому что гораздо легче пойти в сражение, где меня сегодня убьют или не убьют, чем так взять себя в руки, чтобы навсегда прекратить пьянство.

Вот эта работа, в которой надо победить самого себя, является самой трудной; более трудной, чем была наша военная работа, более трудной чем наша хозяйственная работа, ибо это есть работа уже не по преодолению классовых врагов, а это есть работа по преодолению самого себя, врага в себе, буржуазного наследия в собственном мозгу, в собственных привычках.

И вот наш рабочий класс стоит теперь перед тем, чтобы в этой работе оказаться победителем.

Или это наследие старой нищеты, старого угнетения и рабства будет изжито, или оно будет расти и мы пропьем нашу революцию.

Дело стоит именно таким образом партия не подняла бы сейчас по вопросу об алкоголизме такой кампании, не придала бы ей такого размаха, если бы эта

язва алкоголизма не стала принимать в нашем рабочем классе размеров, которые делаются все более и более грозными для всего нашего общественного развития.

Мы, большевики, отличались и отличаемся тем, что не желаем быть хвостистами. Это значит, что мы не желаем начать борьбу после того, как пьянство у нас достигнет невероятных размеров, когда повернуть будет трудно. Мы ставим перед всем рабочим классом вопрос теперь, когда пьянство быстро развивается, но не достигло еще среди рабочих довоенного уровня, однако угрожает догнать и перегнать его, чем принесет громадный вред всему нашему социалистическому строительству.

4. Три беды от алкоголизма.

Мы обращаем внимание на три основные беды от развития алкоголизма. Во-первых, эти беды проистекают от того, что именно это явление, именно пьянство, служит обыкновенно началом всякого разложения. Если посмотреть на историю всех организаций,— Артемовской, Смоленской, Сочинской и всякой другой, где начинались «гнойники»,—то можно увидеть, что всюду начиналось с пьянства; начиналось с того, что люди не могли остановиться, не могли сдержать себя и шли все дальше по этой дороге: от пьянства к кутежам, к насилиям над женщинами и т. д. И следствием всего этого явилось пренебрежительное, а затем и преступное отношение к партийной и государственной работе.

Первая беда—пьянство разлагает наши общественные организации, отталкивает от нас ту часть рабочих масс, которая хочет трезвой жизни. На этой почве среди рабочих как в провинции, так

и в Ленинграде начинают развиваться разные сектантские движения трезвенников. Верхом на пьянке пытается продвигаться классовый враг: в городе обволакивает, где удастся, аппарат; в деревне пытается соблазнять бедноту.

Вторая беда заключается в том, что потребление пива, вина, водки значительно понижает производительность труда. У нас существует один подсчет в этом отношении, очень важный, а именно: в 1914 г. в начале войны была запрещена продажа водки, и после этого тогдашнее общество фабрикантов и заводчиков в Ленинграде произвело обследование того, как отразились на производительности труда ленинградских рабочих первые полгода после этого запрета. То обстоятельство, что была совершенно прекращена продажа водки, причем первые полгода после запрета еще не было самогона в Ленинграде—еще не умели его выделывать—отразилось следующим образом: обследование общества фабрикантов и заводчиков Ленинграда охватило фабрики и заводы почти с 200 тысячами рабочих, и это обследование показало, что после прекращения продажи водки производительность труда в Ленинграде возрасла в среднем на 12%.

Если бы у нас прекратилось пьянство и в связи с этим произошло бы повышение производительности труда (меньше бы стало прогулов, не тряслись бы руки за работой, не понижалась бы физическая сила, люди не делались бы раньше времени старыми, не умирали бы раньше и квалифицированные рабочие большее бы количество лет были на работе)—это было бы все равно, как если бы увеличилась наша промышленная продукция на сотни миллионов рублей в год. Мы могли бы дать добавочное количество промышленных продуктов в деревню и в город, что чрезвычайно облегчило

бы разрешение вопроса о хлебном кризисе и о производстве сельскохозяйственного сырья для промышленности. Больные вопросы в области отношений с деревней, вокруг которых мы сейчас бьемся, сводятся в значительной степени к тому, что мы еще не можем дать деревне столько промышленных товаров, сколько нужно. У нас более 20 млн. крестьянских дворов; если бы мы могли дать им больше промышленных товаров, ради чего им стоило бы производить больше хлеба, то не так трудно было бы каждому из них посеять хотя бы по одной десятине больше в год, а это бы означало лишний миллиард пудов хлеба, льна, хлопка и всяких других вещей.

Значит вот вторая наша беда от алкоголизма—понижение производительности труда, и в силу этого—замедление нашего хозяйственного роста.

Наконец третья беда, которую несет с собой алкоголизм—это значительное ухудшение положения рабочих. Рабочие сейчас пропивают довольно приличную часть своей зарплаты. 5 июня 1928 г. в Москве было совещание представителей центральных комитетов профсоюзов вместе с некоторыми общественными организациями. И вот текстильщики дали сводку обследований, которые производились на крупнейших текстильных заводах.

Оказалось, что например в Твери на текстильной фабрике с 20 тыс. рабочих—и на других текстильных фабриках—текстильщики пропивают в среднем 11% своей зарплаты, что фактически поглощает **почти весь реальный рост зарплаты текстильщиков за последние два года**. Значит все то, что государство смогло прибавить реально за два года текстильщикам, все это ушло на водку. Значит не улучшился уровень жизни текстильщиков. Потому и за-

мечено, что за последние два года производительность труда повышается вдвое медленнее, чем за предыдущие два года. По отношению к той же самой прибавке реальной зарплаты в те годы, когда пьянство было меньше (ибо главное его развитие имеет место за последние годы), получался гораздо более значительный прирост производительности труда.

Второй пример: недавно в Москву вернулись представители МГСПС, которые ездили в Берлин изучать жизнь берлинских рабочих. Отчет напечатан в газете «Труд» от 7 июня 1929 г.

Оказалось, что средняя реальная зарплата московского и берлинского рабочего за год почти равна: — разница всего на несколько десятков рублей. Но расход на алкоголь (водку, самогон, пиво и вино) у московских рабочих ровно в пять раз больше, чем у берлинских.

Рост алкоголизма и все беды, происходящие от этого роста, ставят перед нами, как неотложную задачу, — борьбу с алкоголизмом.

5. Почему мы производим и продаем алкогольные напитки.

Борьба с алкоголизмом является необходимой частью строительства социализма в нашей стране. Но если алкоголизм так вреден, то спрашивается: почему же мы допустили производство и продажу водки? Почему мы не запрещаем этого немедленно? Нет ли здесь противоречия в политике советской власти, а если нет, то как от этого избавиться, где средства и пути для того, чтобы действительно преодолеть это зло?

Нам нужны были деньги для постройки новых заводов. Денег этих не было, а между тем в стране

очень сильно распространилось потребление самогона. Таким образом возникла мысль:

для вытеснения более вредного самогона начать продавать водку, а на собранные таким образом деньги строить новые заводы, создавая тем самым возможность выпуска в население новых товаров уже полезных, посредством которых можно будет погом бороться с алкоголизмом.

Конечно для того чтобы заменить алкоголь—а у нас было потребление алкоголя в форме самогона,—надо было вместо него дать населению какой-то другой выход. Надо было ему дать возможность расходовать свои деньги на какие-нибудь другие полезные вещи, а производства этих других полезных вещей у нас в достаточной мере не было. Для того чтобы его создать, надо было построить новые заводы; иностранных займов у нас нет, а наложить новые налоги на наше население в дополнение к тому, что оно тратило на самогон, было невозможно. Надо было то, что оно тратит на самогон, перевести на постройку новых заводов; поднять наше хозяйство на более высокий уровень и товарами этих заводов и более широкой постановкой культурной работы на почве возрастающей хозяйственной крепости государства бить потом алкоголизм—и водку и самогон вместе.

Таким образом с самого начала взгляд советской власти на доходы от водки был как на что-то ненормальное, вредное. Мы знали, что это вредно, ненормально, но мы шли на это, потому что самогон все равно существовал, потому что мы в доходе от водки видели временное средство получить возможность создать такую массу нового полезного в производстве, при помощи которой можно будет поднять нашу страну и

затем тогда опять прекратить водку и бороться с алкоголизмом.

Действительно от водки и пива государство в общем и целом получает чистого дохода до 800 млн. руб. в год. В общем мы вложили таким образом в несколько лет в развитие нашей промышленности всего хозяйства миллиарды, которых без этого не вложили бы. Но вместе с тем установка была такая, что по мере того, как будет создаваться возможность производства дополнительной промышленной продукции и дополнительно будет развиваться культурная работа, мы начнем отказываться от продажи водки.

В настоящее время хозяйство не только поднялось до довоенного уровня и выше, но уже обеспечен такой быстрый рост его, что в ближайшую пятилетку промышленное производство более чем удвоится по сравнению с довоенным. За какие-нибудь пять лет в такой громадной стране достичь таких результатов — это значит создать такую возможность дополнительного производства промышленной продукции, при котором продажа водки уже может не иметь места, тем более что на основе хозяйственного роста впервые возникает возможность увеличения наших затрат на культурную работу. В связи с этим стоит вопрос о культурной революции, а ведь ставить вопрос о культурной революции значит не что иное, как ставить вопрос о финансировании культурной революции, потому что без денег ничего не сделаешь, потому что для этого надо иметь крупные средства.

Теперь уровень хозяйственного развития нашей страны позволяет притти постепенно к осуществлению всеобщего обучения и покрытию всех промышленных центров сетью клубов—в этом году впервые в СССР затрачивается на постройку новых клубов для рабочих

60 млн.,—в связи с этим планирование культурной работы, начиная с этого года, поставлено в значительно более широком масштабе сравнительно с тем, что было до сих пор. Это стоит в связи с тем, что хозяйственное развитие, а в том числе и продажа водки, создало возможность дать населению промышленную продукцию, которую нельзя было ему дать вместо водки раньше, и создало таким образом государству возможность развернуть работу по переводу населения с потребления водки и пива на потребление более полезных товаров и культурных услуг: на потребление сахара, на посещение кино и т. п. Следовательно задача теперешней борьбы с алкоголизмом заключается не в том, чтобы агитировать против государства за то, что оно продает водку, а в том, чтобы помочь партии, помочь советской власти в ее стремлении возможно скорее уничтожить государственное производство и государственную продажу водки.

Партия и советская власть к этому стремятся, но для этого нужен целый ряд подготовительных мероприятий в самых разнообразных направлениях, требующих целые годы времени. Основное условие: лишь постепенно, год от года, нарастают такие новые доходы государства, какими можно заменять доход от водки. Потому и водка уничтожаться будет не сразу, а постепенно. Чем больше мы повысим свою производительность труда, тем больше будет доход государства и тем скорее можно будет полностью уничтожить водку.

6. Кто больше пьет водку?

Недавно особая комиссия Совнаркома СССР подвела итоги потребления всех спиртных напитков (водка, пиво, вино и т. д.) за 1926/27 г. и напечатала их в книге «Тяжесть обложения в СССР». Оказывается,

что около трети доходов государства от спиртных напитков получается с пролетариата и почти 40%—с основной среднядкой и бедняцкой массы крестьянства (стр. 101). Остальное приходится на деревенское кулачество и на мелкую, среднюю и крупную буржуазию городского типа (более 21%) и на непролетарское трудовое население около 6%).

Пролетарского населения (включая сюда и служащих) в СССР в три с половиной раза меньше, чем основной середняцкой и бедняцкой крестьянской массы. По отношению к численности на пролетариат ложится втрое более крупный процент, чем на эту крестьянскую массу. При таких условиях борьба против алкоголизма должна быть развита в первую очередь среди рабочих. Подсчеты и обследования ЦСУ показывают, что водки средний городской рабочий пьет гораздо более, чем средний крестьянин.

На стр. 117 указанной выше книги даются сведения, сколько дохода (акцизов) государство получало в 1926/27 г. с души населения по каждому слою жителей в отдельности. Сведения о нэпманах и т. п. нас не особенно трогают; важно установить, насколько затронуты пьянством разные слои из советских классов, которыми держится советский строй. В городе — это рабочие и служащие. В деревне, в сельском хозяйстве—основная середняцко-бедняцкая масса (с батраками) и служащие. Результат оказывается очень интересным. С населения городского типа государство получало в 1926/27 г. акцизного дохода со всех спиртных напитков на душу населения:

от рабочих	по 11 р. 11 к.
„ служащих	„ 3 р. 83 к.

Городские рабочие пьют втрое больше городских служащих. На среднюю рабочую семью в 4 человека

уже в 1926/27 г. приходилось около 45 руб. акцизного алкогольного дохода в год. В 1928/29 г. эта величина увеличилась примерно на треть, доходя до 60 руб. По населению деревенского типа (по сельскому хозяйству) результат для 1926/27 г. такой:

от середняков	по	2 р. 58 к.
„ служащих	„	11 р. 40 к.

Следовательно в сельском хозяйстве служащие дают государству вчетверо больше акцизного дохода на душу со спиртных напитков, чем середняки. Бедняки и батраки пьют еще меньше середняков.

Больше заражены алкоголизмом как раз те слои советских классов, на которых лежат наиболее ответственные задачи. В городе—это основная опора социализма—рабочие. В деревне—служащие совхозов, кооперативов, сельсоветов и т. п., т. е. работники предприятий и учреждений, являющихся проводниками социалистического хозяйства.

Алкоголизм больнее всего и прежде всего ударяет как раз по фабрикам, по заводам, по транспорту, по учреждениям, а по крестьянам — значительно меньше.

Кроме того в деревне потребление водки и самогона у основной массы населения приурочено главным образом к престольным праздникам, к свадьбам, вообще к таким событиям, которые происходят сравнительно редко. Поэтому это не так регулярно, не так систематически вредит хозяйству. Между тем городское население пьет постоянно: если получка раз в две недели, то и пьют раз в две недели, и таким образом получается систематическая выпивка в течение всего года. Поэтому это отражается систематически и на физических силах и на работоспособности. Существует обширная статистика смертности в дореволюционное и

в послереволюционное время. Интересно, что статистика в дореволюционное время и в послереволюционное время сходится на одном: 1) средняя продолжительность жизни такого человека, который доходит периодически до состояния запоя, в среднем на 15—20 лет меньше средней продолжительности жизни непьющего человека; 2) средняя продолжительность жизни человека выпивающего, но не до запоя, сравнительно небольшого алкоголика, считается все же на несколько лет меньше средней продолжительности жизни человека непьющего. Между прочим замечено, что хотя женщины слабее, тем не менее процент женщин, доживающих до старости, больше, чем процент стариков — мужчин. Именно потому, что женщины меньше пьют, продолжительность жизни их больше.

Таким образом алкоголизм вредит хозяйству страны также тем, что человеку, которого до 20 лет учили, которому дали возможность получить настоящую квалификацию, выработать из себя квалифицированного рабочего,—алкоголь не дает проработать столько лет, сколько нужно для того, чтобы он мог окупить затраченные на него средства. Все это происходит потому, что он преждевременно разрушает себя пьянством. Статистикой установлено, что как до революции, так и после революции у алкоголиков из всех рождающихся детей до 16-летнего возраста умирает половина. В этих случаях громадные затраты народных средств на воспитание детей, на их обучение и кормление, на все их содержание делаются как бы напрасно, потому что страна потом не получает никакой пользы — все равно эти дети умирают до 16 лет.

Таким образом, основная беда — это пьянство городских рабочих. Вместе с тем в городах легче всего бороться с алкоголизмом, потому что

сюда легче не допустить самогона. В деревне каждый крестьянин может варить самогон из своего хлеба, из своей картошки, из своих яблок и т. д. В город самогон, как правило, может быть только привезен, а провести самогон в город в большом количестве трудно. Здесь легче повести против него борьбу, а борьба с алкоголизмом для нас в городах сейчас необходима, так как он поражает прежде всего здесь социалистическое хозяйство. Поэтому правительством в настоящее время берется такая установка:

начиная с будущего хозяйственного 1928/1929 г., ежегодно уменьшается как относительно, как и абсолютно количество водки, выпускаемой в продажу в городе и вообще для промышленного населения.

В деревнях же уменьшать продажу количества водки в эти пять лет—первые пять лет борьбы с алкоголизмом—предполагается более медленным темпом, ибо сразу круто взять курс на полное уничтожение, на полную ликвидацию производства и продажи водки и в городах, и в деревне нам сейчас не под силу по финансовым соображениям. Не изысканы еще источники для замещения в госбюджете доходов от алкогольных напитков в таком большом размере. Приходится начинать крутое сокращение лишь там, где оно неотложнее по общим соображениям и где его легче провести.

Само собой разумеется, что эта ориентировочная, примерная установка может иметь успех только постольку, поскольку население будет для этого подготовлено и в смысле своего настроения и в смысле возможности найти замену алкоголя. Из этого вытекает, почему именно теперь и начали создаваться общества борьбы с алкоголизмом, почему теперь начали разрабатываться средства и пути для преодоления этого зла.

7. Меры борьбы с алкоголизмом.

1. Создание сети своего рода культурных крепостей в наших крупнейших промышленных центрах. Выбрать 40—50 крупнейших промышленных районов и покрыть их хорошо оборудованной сетью культурных учреждений, подобно тем образцам, которые имеются в Ленинграде в виде домов культуры—за Нарвской заставой и на Выборгской стороне.

Это требует конечно миллионы каждый год, но, поскольку наше государство ставит себе эту задачу серьезно, оно для этого средства найдет. Каждая такая культурная крепость должна служить средоточием ряда учреждений, отвлекающих рабочее население от алкоголизма. Вовлечение людей в захватывающую их общественную жизнь—прекрасное средство против зоологического пьянства.

2. Другая задача—создать замену алкоголя в виде безалкогольного общественного питания. Для рабочих, которые сговорились, которые согласились, которые хотят попробовать обойтись без водки и пива, создать возможность в настоящее время действительно так питаться. У нас сейчас гораздо больше мест продажи пива и водки, чем мест, где можно было бы получить еду и питье без алкоголя.

Перед нами стоит задача расширить наряду с развертыванием общественного питания и созданием самой широкой сети общественных столовых и чайных, где можно было бы закусить без пива и водки, производство таких напитков, которые были бы вкусными, прохлаждающими, дешевыми, но которые не были бы опьяняющими. Это прежде всего заводы по производству безалкогольных напитков

из сока яблок, малины, смородины и т. п. Такие заводы должны быть организованы по всей той полосе, где в крестьянском хозяйстве развито садоводство. Это даст в свою очередь толчок для интенсификации сельского хозяйства.

3. Вся наша борьба с алкоголизмом была бы пустой и лицемерной болтовней, если бы мы занимались только словами, только постановлениями: не пейте, вредно пить, от этого печенка синеет, алкоголь плохо отзывается на здоровьи, жизнь сокращается и т. д. Кроме проповеди, надо дать замену безалкогольным питанием и создать что-то, на что рабочий может вместо водки израсходовать средства, имеющиеся у него для развлечений. Необходимо, чтобы он расходовал эти средства не на водку, а на что-нибудь более полезное. Не даром брошен лозунг—«кино вместо водки». Необходимы крупные затраты на организацию кинопромышленности. Скоро будет выделено 8 млн. руб. для постройки крупнейшей кинофабрики, которая могла бы широко снабжать пленкой наши кино, умножится в десятки раз количество киноустановок и будет таким образом культурное развлечение для населения. Равно стоит на очереди вопрос широкого развития спортивных площадок, всяких безалкогольных прогулок, вечеров, танцев и прочих развлечений без пьянства, в частности—производства принадлежностей спорта (велосипеды, фотоаппараты, гармонии и т. д.).

4. Четвертый путь—развитие производства тех товаров, которые в народной экономии, как показал опыт, являются заменяющим алкоголь—прежде всего увеличение производства сахара. Здесь перед нами стоит пример Америки. В Соединенных штатах Северной Америки, в некоторых ее частях, например в штате Калифорния, одним из основных сельскохозяйственных за-

нятий являлось виноградарство. Когда в 1920 г. в Америке был запрещен алкоголь—водка, вино и все прочее,—то казалось, что виноградари стоят перед кризисом. Но они сумели так извернуться, что в настоящее время, когда в Америке опять идет борьба вокруг алкоголя, как раз группа владельцев виноградников Калифорнии является противниками разрешения продажи алкоголя: благодаря росту производства сахара они сумели настолько широко поставить производство различных сладостей из своего винограда, своих садов—изюма, пастилы и других вещей,—что разрешение продажи алкоголя явилось бы для них менее выгодным.

Перед нами стоит задача развития в течение этой хозяйственной 5-летки производства сладостей и тому подобных вещей, способных заменить алкоголь.

5. И наконец пятый путь—разъяснение широким рабочим массам общественного вреда алкоголизма. В рабочей среде по отношению к алкоголизму должна быть создана такая атмосфера, чтобы алкоголизм считался не молодечеством, не признаком компанейства, без которого трудно быть настоящим товарищем, а признаком того, что человек еще не сумел освободиться от рабского наследия буржуазного угнетения.

Надо, чтобы ненависть, презрение и вражда были по отношению ко всем тем, кто недостаточно активно, инертно, безвольно относится к борьбе с этим делом. Разъяснение широким рабочим массам личного и общественного вреда алкоголизма и создание отрицательного к нему отношения необходимо для того, чтобы уже сейчас начать выполнять тот закон, который советское правительство с этой целью издало.

Советское правительство еще в 1927 г. начало подготовлять вопрос о борьбе с алкоголизмом, имея в виду,

что мы доходим до определенного уровня хозяйственного развития, при котором сможем практически поставить вопрос о культурной революции. Имея все это в виду, советское правительство в марте 1927 г. издало закон, который дал право всем местным советам, по постановлению общих собраний рабочих фабрик и заводов как совершенно, так и частично запрещать продажу водки, вина и пива в районе данного города или данной части города, или в районе данной фабрики либо навсегда, либо только на праздничные дни и на послеобеденные часы.

Этот закон в течение года остается без применения местными советами и без использования рабочими массами. Он был издан, но таких заводов, таких фабрик, которые приняли бы решение о закрытии пивных и лавок Центроспирта, о запрещении продажи водки в рабочей кооперации в данном районе навсегда или на время,—таких заводов почти не оказалось. История этого закона показывает, что партия и советская власть искренне и всерьез ставят вопрос о борьбе с алкоголизмом, ибо уже сейчас дается возможность немедленно прекращать продажу водки всюду, где рабочие сами пришли к решению отказаться от употребления алкоголя.

В таком случае рабочие сами берут на себя ответственность за запрещение продажи алкогольных напитков, ответственность за борьбу с шинкарством.

8. Задачи Общества борьбы с алкоголизмом.

Дело борьбы с алкоголизмом есть дело всей партии, профсоюзов и комсомола в целом—только тогда оно может иметь успех.

Что же касается роли Общества борьбы с алкоголизмом, то она заключается в том, чтобы было специальное

учреждение из антиалкогольного актива, которое будоражило бы общественное мнение, создавало настроение в массе, проводило законы, настаивало бы на своем деле, напоминало о нем, агитировало на определенных заводах, чтобы там была закрыта продажа пива, там открыто кино, тут устроена спортивная площадка и т. д.

Основные задачи специального Общества по борьбе с алкоголизмом сводятся к следующим 10 пунктам:

1. Создание кадра агитаторов по этому вопросу, курсов агитаторов, подбираемых из рабочих от станка, бывших алкоголиков и непьющих. Сотни таких специально обученных агитаторов этого дела, вооруженных в этом отношении до зубов, могут взбудоражить более широкие массы.

2. Общество должно заботиться об издании популярной литературы и журналов по этому вопросу.

3. Должны быть созданы передвижные выставки, агитационные грузовики и т. д.

4. Общество должно агитировать за использование закона о местном запрете, чтобы он не оставался на бумаге, как до сих пор, а действительно проводился рабочими в жизнь. Общество должно поднять агитацию в массах вокруг нового противоалкогольного закона, который оно должно внести в СНК [1].

5. Общество должно поставить на ноги женщину, направить ее внимание на рабочую кооперацию, торгующую водкой, натравить на это. Надо добиться, чтобы рабочая кооперация больше уделяла внимания овощам, мясу, маслу, и т. п. предметам, которые трудно достать,

[1] Закон этот был затем внесен обществом в СНК 22 июня 1928 г. и после широкого обсуждения в массах лег в основу ряда последующих законодательных актов правительства и решений Госплана. См. мою брошюру: «Новые законы против алкоголизма», М. 1929 г. (изд. Общества).

а вместо пива и водки торговала бы фруктовыми напитками, квасом и т. п.

6. Общество должно двигать, возбуждать те многочисленные организации, которые ведают у нас спортом, кино, культработой, клубами и т. д. и которые очень часто недостаточно живо организуют свою работу.

Нами сделан опыт, который оправдал себя,—опыт созыва совещания московских культурных и общественных организаций—партийных, профсоюзных, советских и добровольных обществ—для обсуждения вопроса о том, что каждое из них должно сделать по линии борьбы с алкоголизмом. Наше общество должно быть в этом отношении толкачом, инициатором, возбудителем, своего рода добровольным общественным контролером.

7. Организовать борьбу с шинкарством, искоренять его и беспощадно уничтожать, создать рабочие дружины по его выявлению.

8. Дать толчок развитию сети лечебных учреждений против алкоголизма, диспансеров.

Некоторые мастера из литейной мастерской завода «Серп и Молот», излечившиеся в диспансере от запоя, увлекли своим примером всю мастерскую, и сейчас эта литейная мастерская на последнем месте по прогулам, тогда как недавно была первой. Можно привести целый ряд таких случаев.

9. Поднять на ноги детей, школьников и бросить их на пьющих родителей. У нас есть обширные пионерские организации, школьные самоуправление и т. д., но дети еще не принимали активного участия в политике. Они будут рады этому. Выведем их массами на улицы, обратимся к ним, пусть учат взрослых, пусть с ранних лет растут в настроении презрения к пьянству, сломаем семейную традицию.

10. Важнейшей задачей является внедрение рабочим сознания вредности алкоголизма, презрения к тому безволию, которое побуждает к пьянству, преодоление неверия и враждебности к борьбе с алкоголизмом, которые чувствуются среди многих и многих рабочих как беспартийных, так и партийных.

Задача нашего Общества создать общественное мнение против пьяниц, добиться такого настроения в рабочей среде, чтобы ни одна комсомолка, ни одна девушка не согласилась поцеловать того парня, который пьет. Когда это будет достигнуто, тогда в представлении рабочего класса в этом направлении будет произведен перелом.

На что брать курс в нашей работе по борьбе с алкоголизмом: на проповедь, чтобы «вовсе не пить» или на то, чтобы «пить в меру», или, что «водку пить нельзя, а пиво можно»?

Здесь возможен только один подход: если мы будем проповедывать ни то, ни се, полумеры, то никого за собой не поведем, и инициатива из наших рук выпадет, ее вырвут чуриковцы и сектанты-трезвенники; если партия во главе этого движения не встанет, то встанут те силы, которые поведут борьбу против партии.

Мы видели, как в Смоленской губернии группа комсомольцев, недовольных разложением тамошних партийных верхов, поднимала низы, издавая контрреволюционные прокламации для борьбы с пьянством.

Мы должны брать курс на полное искоренение алкоголизма, на то, чтобы прекратить пить. Конечно это трудно; труднее, чем воевать, труднее, чем работать по поднятию хозяйства. Но на то мы и называемся партийцами, чтобы показать себя и в этом деле способными, и если мы его провалим, тогда каждый беспартийный наплюет нам в глаза. Скажут,

что в целях борьбы с алкоголизмом Совнарком издает законы, а сами партийцы пьют и пьянствуют. Придется партийцам перестать ходить в пивные, перестать пить водку, а тем, кому очень трудно, нужно начать лечиться в диспансерах. Нам придется показать в этом деле пример. Это не значит, что в Общество по борьбе с алкоголизмом нужно принимать только тех, кто совершенно не пьет: можно принимать и тех, кто до сих пор пил, но хочет попробовать не пить, кто хочет освободиться от пьянства.

Какие имеются партийные директивы насчет Общества по борьбе с алкоголизмом? Партийных директив имеется две: первая—об усилении вообще борьбы с пьянством по всей линии. В общей форме это принято XV партийным съездом в декабре 1927 г., это подтвердила агитпропсовещание, и агитпропом ЦК выработаны содействующие более детальные указания местным организациям.

Борьба с алкоголизмом есть часть нашего строительства. В обществе борьбы с алкоголизмом суть работы заключается не в денежных сборах—денежные сборы ничтожны—от пяти до десяти копеек в месяц, а суть заключается в создании определенных кадров из рабочего класса, в мобилизации внимания всех партийных, профессиональных и комсомольских организаций на работу по борьбе с алкоголизмом.

Суть заключается в развитии культурных спортивных обществ, в развитии киноработы и т. п., что даст государству возможность уменьшить производство водки и не только ничего на этом деле не потерять, но действительно притти к преодолению алкоголизма в нашей стране, во исполнение того завета, который гласит: «Алкоголизм и социализм несовместимы».

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С АЛКОГОЛИЗМОМ В СССР.[1]

1. Основные кадры и успехи движения.

Когда 30 ноября 1928 г. в первый раз встретились товарищи, ведущие противоалкогольную работу в разных городах, их было сравнительно очень небольшое количество. Наши организации существовали всего в нескольких десятках пунктов, и самое противоалкогольное движение было еще своего рода опытом. За полугодие, которое прошло, до 30 мая 1929 г. мы сделали значительный шаг вперед. Организации наши существуют уже в сотнях мест СССР. Имеется около 250 тыс. членов обществ, в том числе около 200 тыс. рабочих и работниц промышленных и транспортных. За это время произошло коренное изменение производственных программ в том смысле что решено, с одной стороны, значительное расширение программы культурной, программы мер бытового отвлечения от алкоголизма, с другой стороны, решено уменьшение программы производства государством алкогольных напитков. У нас появилось специальное законодательство по борьбе с алкоголизмом, основаны сотни учреждений, создающих более здоровые условия быта. Тысячи людей освободились от того бича, под влиянием которого они находились и страдали как они сами так и все общество. Цепь успехов и достижений несомненно велика. Рабо-

[1]) Доклад на Всесоюзном совете противоалкогольных обществ СССР 30 мая 1929 г.

чий класс так дружно поднял на щит это новое движение, что у его работников могла бы закружиться голова, если бы не особого свойства состав противоалкогольных обществ и организаций. Одно из наиболее замечательных явлений во всем нашем движении—это личный его состав.

Просматривая отчеты, и московские, и с мест, невольно обращаешь внимание на возрастной состав типичных участников нашего общеста. Это—не просто рабочие, а это—рабочие с долгим производственным стажем. Молодежь в члены общества втянулась сравнительно пока мало. Основной состав наших обществ—это зрелые, взрослые, преимущественно квалифицированные рабочие. Что это означает? Это означает, что в состав общества вошли основные кадры рабочего класса, те, которые многие годы являлись рабочими и у которых естественно родилась тревога при виде того развития, которое алкоголизм постепенно получил в рабочей среде. Наше движение—выражение здоровой тревоги основного кадра рабочих, который собрался в эту организацию для того, чтобы помочь всему рабочему классу, а затем и трудящемуся крестьянству и кустарям избавиться от этого бедствия. Конечно за время своего существования мы имели не только успехи, но и неудачи. Без этого не бывает. Но именно в силу такого состава нашего общества у нас не кружилась голова при успехах и мы не вешали головы от неудач. В этом, я думаю, залог крепости нашего движения. Оно идет по общей линии хозяйственного, культурного и общественного преобразования нашей страны, которое проводится Всесоюзной комунистической партией большевиков, руководящей в нашем государстве. То, что наше движение идет по этому общему руслу, по руслу развития страны, то, что наше движение впитывает в себя в

виде личного состава в первую очередь коренной, основной кадр рабочего класса—это служит нам залогом дальнейших успехов, залогом бодрой и твердой работы.

Я думаю и надеюсь, что сегодняшнее наше собрание впервые открываемого Всесоюзного совета противоалкогольных обществ СССР, на которое прибыло уже не несколько человек, как было полгода тому назад, а более 100 человек делегатов из разных городов, из крупнейших рабочих центров страны,—я думаю, что это собрание послужит еще одним камнем в том здании, которое мы воздвигаем. Разрешите горячо поблагодарить все те организации, которые нас приветствовали, в том числе и тех, которых мы не могли устно заслушать.

Разумеется было бы смешно приписывать первые, еще не очень большие сравнительно с нашими желаниями, но все-таки уже имеющиеся у нас, успехи на противоалкогольном фронте, только работе нашего Общества. Совокупность всех усилий советской власти, совокупность работы всех общественных организаций нашей страны привела к тем первым успехам, которые мы к великому удовлетворению теперь уже можем свидетельствовать. Наше дело было внести сюда свою долю и, насколько мы могли, насколько мы умели,—мы это сделали. Наше дело было возбудить внимание к этому вопросу, к прокладыванию дальнейшей дороги в этом отношении.

В ответ на все пожелания позвольте мне от вашего имени, от имени Всесоюзного совета противоалкогольных обществ СССР дать обещание в том, что мы постараемся в дальнейшей работе, что мы приложим все свои силы к тому, чтобы быть достойными тех приветствий, которые мы сегодня слышали.

2. Рентабельность борьбы и лечебная сеть.

Наша работа является ценностью не только культурной, но и хозяйственной. На культурной ценности останавливаться не буду—это достаточно освещено. Я пробовал произвести грубый, очень грубый, приблизительный ориентировочный подсчет, как можно оценить нашу работу в смысле хозяйственных результатов. По Москве, как доложил нам на днях Мосздрав, имеется 1 тыс. рабочих, которые были заядлыми алкоголиками, неоднократно арестованными, неоднократно попадавшими во всякого рода переделки,—которые в настоящее время не пьют уже не менее года, которые вернулись к своей производстбенной работе полностью.

Многие из них заняли уже заметное общественное положение на своих предприятиях, вплоть до председателей фабзавкомов и членоев бюро партячеек. Было произведено выборочное обследование тех алкоголиков, которые обращались в наркодиспансеры и таким образом вылечились.

Доктор Шоломович сообщил нам данные, из которых видно, что этого рода алкоголики принадлежат к квалифицированному составу пролетариата. Это видно из того, что средняя сумма, которую они пропивали в месяц, составляла 63 руб., а общая зарплата была почти вдвое больше,—около 120 руб., т. е. больше средней зарплаты промышленного рабочего по Москве, которая год назад составляла около 80 руб. Следовательно вы видите, что это—группа квалифицированных рабочих, и это понятно. Если пьют чернорабочие, то ими не дорожат на предприятии, а квалифицированными рабочими дорожат. Они могут оставаться на предприятии, будучи в то же время алкоголиками во время периода запоя. Затем под влиянием общественного воздействия

идут в диспансер и вылечиваются. Что касается прогулов, то на каждого такого, ныне излеченного алкоголика, в среднем приходится от 7 до 8 прогулов в месяц. Недалеко от Москвы, в Орехово-Зуеве, некоторое время тому назад был праздник, на который сошлись 200 чел. рабочих, излеченных от алкоголизма как воздействием врачебной науки, так и воздействием общественного мнения, рабочие не пьющие уже не менее года, рабочие с большим производственным стажем, преимущественно рабочие квалифицированные. Если взять за исходный пункт два примера: Москву и Орехово-Зуево, если принять во внимание, что наши организации в других городах (как показывает нам вся сумма сведений о других городах, которую мы имеем) в общем и среднем работают не хуже Москвы, а очень часто лучше Москвы —то можно считать в них число непьющих уже год рабочих-алкоголиков пропорциональным отношению численности наших членов в Москве и Орехове-Зуеве к численности в других городах СССР. Тогда в настоящее время мы имеем не менее 20 тыс. рабочих, бывших алкоголиков, преимущественно квалифицированных рабочих, которые уже около года не пьют, которые полностью вернулись к производственной и общественной работе. Само собой разумеется, что эта цифра в 20 тыс. излеченных бывших алкоголиков не такая большая по сравнению с тем количеством рабочих алкоголиков (около 700 тыс. чел.), которые в СССР имеются по оценке наших медицинских органов (около 10% всех рабочих). Государство имеет чистого дохода около 3 руб. на одного промышленного рабочего за день его работы. Если мы расчленим рабочих квалифицированных и неквалифицированных, то от рабочего неквалифицированного государство получает за день его работы около 2 руб. дохода и от рабочего квалифициро-

ванного—около 5 руб. (за день его работы) как в виде прибылей промышленности, разных отчислений, так и налоговых поступлений с произведенной продукции.

Это не та сумма, которая из вновь производимой рабочим классом ценности распределяется пролетариатом непосредственно между собою по рукам в виде зарплаты, а та сумма, которую рабочий класс передает пролетарскому государству, как целому на дальнейшее хозяйственное, культурное и общественное строительство. Те 20 тыс. квалифицированных рабочих, которые были алкоголиками и имели в среднем до 8 прогульных дней в месяц—эти 20 тыс. рабочих имели в год обычно 2 млн. прогульных дней. В этот последний год, который они не пьянствовали, эти 2 млн. прогульных дней они работали, и от каждого лишнего дня, сверх уплаты им зарплаты, государство имело дохода по 5 руб. за день работы, т. е. 10 млн. руб. в год. Вот первый реальный хозяйственный результат, который позволяет нам судить о рентабельности нашей работы для всего народного хозяйства в целом.

Но кроме того, что они опять встали на ноги, опять обратились в полноценных людей,—кроме этого произошло значительное улучшение работы в более широких кругах рабочих. Во-первых, в наше общество борьбы с алкоголизмом входит около 200 тыс. рабочих. Каждый из этих 200 тыс. рабочих в результате своего вступления в общество сократил свои прогулы, свою недовыработку хотя бы на 1 день в месяц. Это—очень скромное достижение, а в действительности были еще более благоприятные результаты. Но если каждый из них сократил свои прогулы, хотя бы только на 1 день, то это уже 2 млн. в год добавочно проработанных дней и значит—еще несколько миллионов рублей чистого государственного дохода в результате этой нашей работы (до 10 млн.

руб.). Я не касаюсь при этом тех улучшений в работе, того понижения прогулов, повышения производительности труда благодаря тому, что руки не так дрожат на работе после праздничной пьянки, которые имели место еще среди более широких кругов рабочих, чем среди членов нашего Общества. Под влиянием агитации Общества по борьбе с алкоголизмом, и в результате принятых правительством мер по лечению алкоголиков, даже только в рамках нашего общества и в рамках врачебной борьбы с алкоголизмом и то один нынешний год дает не менее 20 млн. руб. чистого дохода государству (продукция и налоги с этой продукции, которые без этой работы получены не были бы).

Было бы целесообразно, чтобы все наши общества во всех городах поставили специальные анкеты, специальные обследования членов противоалкогольных обществ, опрашивая в них о том, сколько у них уходило денег на спиртные напитки до вступления в Общество и сколько уходит теперь; сколько у них было прогулов до вступления в Общество и сколько в настоящее время. Я думаю, что собранные таким образом массовые данные помогут нам шире развернуть нашу деятельность, ибо докажут ее рентабельность для народного хозяйства и тем самым вызовут большую материальную поддержку со стороны всех заинтересованных организаций и государства в целом.

Из этого следует также и другой вывод. Если лечение алкоголя и общественная работа против алкоголизма так рентабельны для народного хозяйства, то это значит, что следует расширить их пределы. Лечение алкоголиков и наша работа дали государству не только экономию, но и дополнительный чистый доход за этот год в 20 млн. руб. сверх всех расходов на оплату рабочим зарплаты, на оплату сырья и т. д. А вся сумма расходов на лече-

ние алкоголизма и на нашу общественную деятельность против алкоголизма по всему СССР за этот год по нашим расчетам далеко не достигла и 2 млн. руб. Значит затрата гораздо менее чем 2 млн. руб. дала дополнительный чистый доход до 20 млн. руб., не считая всяких других выгод на этом деле.

Вывод отсюда ясный—нужно усилить лечение алкоголизма.

Сейчас специальных стационарных (постоянных) больниц для лечения алкоголизма вовсе нет, нет и трудовых колоний для алкоголиков. В начале 1928 г. во всем СССР было лишь несколько штук противоалкогольных наркодиспансеров и ни одного медицинского вытрезвителя. Теперь по СССР есть уже около тридцати специальных противоалкогольных диспансеров (начали кое-где появляться и медицинские вытрезвители), а по принятой XIV Всероссийским съездом советов пятилетке—в одной РСФСР за предстоящие 4 года будет открыто 200 наркодиспансеров и противоалкогольных отделений в общих диспансерах. Это количество, сравнительно с величиной зла, надо считать недостаточным.

Каждое отделение нашего Общества, в каждом городе и местности, вместе с местным здравотделом должно разработать нормальную сеть лечебных учреждений по алкоголизму для каждого района по всем основным пяти типам этих учреждений: специальные противоалкогольные диспансеры; наркоотделения при общих учреждениях; стационарные учреждения больничного типа; трудовые колонии для особо тяжелых алкоголиков и медицинские вытрезвители. Разработка этой нормальной сети и установление календарного плана его осуществления в течение предстоящих лет, будучи проведена местными совещаниями, послужит тем толчком в этом

деле, который так необходим и обоснован рентабельностью затрат, производимых на это дело.

При выработке нормальной сети надо исходить из того, что даже при полном запрещении государственных алкогольных напитков в СССР останется еще не менее трех четвертей миллиона промышленных, транспортных и других рабочих, больных такими формами алкоголизма, при которых без специального лечения они неизбежно станут жертвами самогона и других суррогатов и не дадут народному хозяйству того, что могли бы дать по своей квалификации. По их излечении противоалкогольные больницы, колонии и т. д. будут использованы для других лечебных целей.

Надо одновременно озаботиться подготовкой или переподготовкой более широкого круга врачей для противоалкогольной работы и поставить их в одинаковые условия с врачами-психиатрами. Республики должны внести в свои сметы на 1929/30 г. организацию показательных противоалкогольных диспансеров, вытрезвителей, больниц и колоний, не менее чем по одному учреждению каждого типа на каждый миллион жителей городского типа соответственных республик. Разместить эти учреждения в наиболее крупных промышленных центрах каждой республики и обеспечить их организацию так, чтобы они могли действительно служить показательными образцами для местных советов каждой республики.

В дальнейшем мы должны будем позаботиться о том, чтобы те постановления по лечению алкоголизма, которые Противоалкогольное общество РСФСР провело уже через Совнарком РСФСР, чтобы они были распространены на все союзные республики. Я имею в виду уже состоявшееся постановление Совнаркома РСФСР, поручившее Госплану разработать план развертывания

противоалкогольных диспансеров и других лечебных учреждений по алкоголизму в течение предстоящего пятилетия, согласно принятой в настоящее время пятилетке.

Так обстоит дело с первым вопросом о рентабельности наших работ. Я считаю, что не только культурное и общественное значение, но и хозяйственная рентабельность нашей работы в смысле увеличения дохода для государства доказана теперь совершенно неоспоримо.

3. Алкоголизация города и деревни теперь и до войны

Второй вопрос в нашей работе — это вопрос о размерах зла, с которым мы боремся, вопрос о том, какова степень алкоголизации рабочих и крестьян в настоящее время.

Надо сказать, что вопрос об алкоголизме до последнего времени не был в центре внимания общественного мнения и потому по этому вопросу не существовало и не существует общепризнанной оценки. Поэтому в своем докладе я руковожусь исключительно официальными цифрами Центроспирта о водке и ЦСУ—о распространении самогона. Весьма возможно, что некоторым работникам эти цифры покажутся слишком малы, некоторым велики, но другими данными мы не располагаем, у нас есть только данные Центроспирта о выпуске водки и данные ЦСУ о результате массового обследования потребления самогона среди крестьян. По этим данным можно провести сравнение с довоенным уровнем. Очень часто у нас нынешняя алкоголизация не дооценивается потому, что берется довоенная величина выпуска водки во всей бывшей царской империи, а именно 1 279,2 млн. литров в последний довоенный год, сравнительно с выпуском водки в настоящее время, который

составляет в нынешнем году около 512 млн. литров, и говорится: мы, собственно говоря, выпускаем еще только 40% довоенного, это не так как уж много и следовательно пока еще нечего особенно энергично бороться.

Этот подход неправилен вдвойне. Во-первых, мы должны сравнивать потребление на существующей в настоящее время территории СССР. Госплан СССР произвел подсчет потребления водки до войны в 1913 г. на нынешней территории СССР,—это значит без Польши, прибалтийских республик, Бессарабии и целого ряда других районов, входивших в прежнюю царскую Россию. Оказывается, потребление водки на нынешней территории СССР до войны составляло 1 062 млн. литров.

Это с одной стороны. С другой стороны к современному потреблению водки—512 млн. литров в 1927/28 г. и столько же в 1928/29 по данным Центроспирта—надо прибавить еще и потребление самогона, о чем также забывают при сравнениях. Потребление самогона ЦСУ и Госплан по РСФСР оценивают в 600 млн. литров в 40° крепости [1]. Что касается Украины и Белоруссии, то по численности в них населения на них надо добавить еще не менее 180—240 млн. литров, в среднем не менее 208 млн. литров. Следовательно мы имеем по СССР потребление самогона около 808 млн. литров плюс 512 млн. литров водки, т. е. всего 1 320 млн. литров напитка крепостью в 40°, по официальным сум-

---

[1] В докладе специальной комиссии Госплана СССР, одобренном президиумом Госплана СССР 2 марта 1929 г., сказано «по данным последнего обследования ЦСУ РСФСР, произведенного в 1928 г. путем опроса 25 тыс. сельских корреспондентов-статистиков, охватившего до 4,5 млн. крестьянских дворов или до 20 млн. чел. крестьянского населения на территории РСФСР потреблено в 1927 г. не менее 600 млн. литров, (50 млн. ведер) самогона средней крепостью в 40°, главная масса которого падает на производящие районы».

мированным данным Центроспирта и ЦСУ, принятых Госпланом СССР.

Для многих может быть неожиданно, что самогон тут взят крепостью в 40°. Дело в том, что 5-6 лет тому назад, когда мы начинали выпускать водку, самогон был гораздо слабее, он считался 25-26°. Но за последние 5-6 лет техника этого дела ушла вперед под влиянием конкуренции государства. (Смех.) Ведь раньше у самогонщиков не было конкурентов, они давали плохой товар. Когда мы выступили с водкой крепостью в 40°, они приналегли, техника поднялась; самогон, который в настоящее время выпускается, на пробу и вкус, как уверяют, не уступает по крепости нашей водке, а по вредности даже превосходит, потому что он содержит больше сивушного масла. Так что каждое ведро самогона по вреду можно считать даже больше, чем ведро водки, а по крепости—равным. Таким образом по тем единственным официальным сведениям, которыми мы располагаем, по сведениям ЦСУ и Центроспирта, принятым Госпланом, у нас потребление водки и самогона—в переводе на водку в среднем по СССР в настоящее время на 25% больше довоенного. Это значит, что снабжение населения алкоголем в виде водки и самогона в переводе на водку в 40° в настоящее время на 25% превысило довоенное снабжение, т. е. мы теперь в нашей советской стране намного обогнали в этом отношении пьяную царскую Россию.

По данным, имеющимся в названных материалах Госплана, ЦСУ и Центроспирта можно установить также размеры этого потребления отдельно в городе и в деревне, сравнительно с довоенным потреблением так же (1913 г.).

Если сложить потребление водки и самогона вместе, то в городах в последнем отчетном году—в 1927/28 г.—

потребление дошло примерно до 75% довоенной величины, а в деревнях оно дошло до 150% довоенной величины. Иначе говоря, города только приближаются к довоенному потреблению 1913 г., а деревня уже далеко его перешагнула. Алкоголизм современной деревни далеко перегнал все то, что было там раньше, причем распределение водки между городом и деревней нам известно точно по данным Центроспирта, а из общего количества самогона, которое мы берем по данным Госплана и ЦСУ, на города приходится лишь около 35 млн. литров, или менее 5% общего потребления самогона в СССР.

Да и это городское потребление самогона сосредоточено почти целиком в мелких городах и некоторых рабочих поселках.

По подсчету Госплана СССР в городах в 1913 г. на территории СССР было продано около 340 млн. литров водки, а в последнем отчетном 1927/28 г. в городах продано около 220 млн. литров водки, прибавляя приведенное количество самогона (около 35 млн. литров) получаем теперь в сумме 75% довенного потребления.

В деревнях на территории СССР по Госплану в 1913 г. продано было около 720 млн. литров водки, а в 1927/28 г. продано 306 млн. литров водки, да около 768 млн. литров самогона, что вместе дает около 150% довоенного потребления.

Вторая основная черта, характеризующая современный алкоголизм, заключается в росте самогона за последнее пятилетие, несмотря на то, что последнее пятилетие проходило в значительной мере под знаком выпуска водки для вытеснения самогона. Пять лет тому назад, когда решили выпустить водку, имели в виду, что население все равно пьет самогон, что водка является

менее вредным продуктом, если можно так выразиться— более культурным—и рассчитывали, что сможем водкой вышибить самогон. И вот мы имеем теперь результаты по тем же данным, приведенным в одобренной президиумом Госплана СССР 2 марта 1929 г. записке специальной комиссии Госплана по алкоголизму. Оказывается, потребление самогона в последние 5 лет значительно увеличилось. Пять лет тому назад оно составляло в СССР, по данным записки Госплана, до 480 млн. литров в год (так оценивали и специалисты НКФина), сейчас видимо колеблется от 780 до 840 млн. литров по СССР. Следовательно увеличилось не менее, чем на 300 млн. литров.

За то же самое время мы увеличили выпуск водки примерно на 480 млн. литров (т. е. на 40 млн. ведер) в год, из которых свыше 300 млн. литров идут ежегодно в деревню.

Так что произошел большой выпуск водки в деревню, сопровождавшийся равным увеличением в деревне самогона.

В 1924 г., когда водки еще не было, все потребление самогона в городе составляло менее 35% по отношению к довоенному потреблению водки; все потребление самогона в деревне составляло в 1924 г. около 50% по отношению к довоенному потреблению там водки. А за последний отчетный 1927/28 г., когда есть и самогон и водка,—общее потребление их в городе вместо 35% поднялось до 75%; в деревне вместо 50% мы имеем 150% довоенной нормы. Таким образом выпуск водки не только не вытеснил самогона в деревне, но сопровождался даже более быстрым нарастанием алкоголизма в деревне, чем это происходило в городе. В городе же водка более, чем возместила вытесненный ею из городов самогон.

4. Принципиальная установка в области борьбы в деревне.

С явлениями алкоголизма в деревне мне приходится иметь дело постоянно в Комиссии ВЦИК по делам амнистии. Все время приходится там наблюдать, что дела о преступлениях, которые туда поступают—а они поступают десятками тысяч—эти преступления в деревне почти всегда сопровождались пьянством или даже произошли прямо на почве пьянства. Я особенно подробно останавливаюсь на вопросе о деревне, потому что необходимость борьбы с алкоголизмом в деревне и уменьшения там продажи водки не встречают иногда вполне подчеркнутого признания. Иногда говорят, что раз в деревне много самогона, то вряд ли целесообразно развивать там противоалкогольную борьбу не только в смысле проповеди против самогона, не только в смысле культурного отвлечения от него и административной борьбы с ним, но также и в смысле постепенного ограничения выпуска водки в деревню. Я думаю, что эта точка зрения, если бы мы сделали ее своей постоянной принципиальной установкой, если бы мы принципиально решили никогда не сокращать выпуска водки в деревню, пока там есть самогон,—такого рода точка зрения, такого рода принципиальный подход был бы совершенно неправильным. В частности неприемлемость его показывает и опыт попытки вытеснить самогон водкой. Представьте, если бы, борясь с религиозными предрассудками, мы сделали попытку вытеснять православие у наших крестьян «более культурным» лютеранством. Ведь лютеранство не знает ни икон, ни целого ряда святых, как например покровителей скота и т. п., оно в этом отношении «культурнее» православия. Но тем не менее такая «антирелигиозная» борьба—по линии вытеснения православия лютеран-

ством или магометанством,—никому из коммунистов не приходит в голову. А мысль о вытеснении самогона водкой, сверх того уже практически доказавшая свою несостоятельность, еще пользуется некоторой популярностью.

У некоторых товарищей прямо или косвенно проскальзывает мысль, что деревня созреет для упразднения водки только тогда, когда в ней не останется самогона. Если бы мы стали на такую точку зрения, то это означало бы увековечить надолго производство водки государством, что в план правительства не входит. Нельзя подходить к крестьянам таким образом: сначала сами станьте «имеальными»,—тогда мы перестанем вас «портить».

Требование признать деревню СССР зрелой для упразднения в ней водки только после полного исчезновения в СССР самогона напоминает мне следующее.

Накануне революции меньшевики говорили, что пролетарская революция в России невозможна и нечего ее развивать до тех пор, пока Россия сначала не станет зрелой в хозяйственном отношении настолько, что пролетариат будет составлять в ней большинство населения, как в Германии, Англии и других индустриализованных странах. А мы отвечали, что хотя мы —меньшинство населения, но масса крестьянства при данных условиях согласна за нами итти и мы пролетарскую революцию произведем, а после этого, взяв власть, дадим хороший толчок и делу индустриализации и росту процента пролетарского населения. Опыт нас оправдал.

Я думаю, что такой же должна быть принципиальная установка в вопросе уменьшения алкоголизации деревни: устраним водку и этим поможем решительности борьбы с самогоном. Сейчас наша сельская администрация

и сельские общественные силы в борьбе против самогона внутренне разъедаются мыслью, что ведь мы сами продаем водку, и потому не вносят в эту борьбу необходимой убежденности и увлечения. Это относится и ко всем общественно-передовым элементам самого крестьянства. Разумеется в настоящий момент центральная борьба должна быть направлена против самогона. Это ясно. Но эта борьба против самогона будет развертываться тем успешнее, чем скорее и чем более полно само государство сможет сократить выпуск водки в деревню. Поэтому т. Кржижановский, делая от имени правительства на V съезде советов СССР (май 1929 г.) доклад о пятилетке, заявил, что за предстоящие четыре года не только в городах будет произведено сокращение душевого потребления водки на 70%, но будет проведено значительное сокращение его и в деревне, не менее, чем на 20% против нынешнего 1928/29 г. К чему он прибавил, что мы пойдем и дальше в смысле сокращения водки в деревне в течение этой пятилетки, если нам это удастся наладить по целому ряду условий, в том числе и по большему развертыванию борьбы с самогоном и новых мер по изысканию дополнительных средств.

Представители некоторых крестьянских районов подымают вопрос, возможно ли распространение административных ограничений продажи водки на самогонные деревни. Во-первых, если в самогонном районе нашей агитацией удастся добиться, чтобы крестьяне какой-нибудь деревни дали круговую поруку, что они перестанут варить самогон и обязуются личным и общественным штрафом за каждое нарушение, которое будет обнаружено,—тогда не будет никакого препятствия для одновременного прекращения продажи водки кооперацией и для закрытия там лавки Центроспирта. Это

достаточно подтверждено практикой советской власти. Во-вторых, существует законодательное правило, по которому мы имеем право требовать во всех деревнях—все равно самогонных или несамогонных—прекращения торговли водкой кооперацией в том случае, если в данной местности имеются лавки Центроспирта. В-третьих, как сказано, по пятилетке будет уменьшаться продажа водки и в деревне, что повлечет за собой и рост административных ограничений. Так что вопрос о применении ограничения к деревенским самогонным районам ни в коем случае не стоит таким образом, что советская власть решила деревню отдать на съедение водке, не согласна вообще на ограничение водки в деревне. Ежегодное уменьшение, вплоть до полного исчезновения, уже предрешено.

Наркомторг СССР 8 апреля 1929 г. дал нам официальную справку о продаже водки в СССР за последние два года, которая ясно показывает переломный характер этих лет (в миллионах литров, причем каждые 12 литров равны 1 ведру):

	Города	Села	Всего
Продано за 1927/28 г.	222	290	512
В среднем за полугодие	111	145	256
Продано за первое полугодие 1928/29 г.	107	176	283
Утвержденный план на второе полугодие 1928/29 г.	75	145	220
Уменьшение в % против среднего за полугодие 1927/28 г.	32,4	0	13,4
Уменьшение во втором полугодии 1928/29 г. против первого полугодия 1928/29 г. в %	29,6	17,9	21,9
За весь 1928/29 г. продажа	182	321	503
Уменьшение или увеличение за весь 1928/29 г. против всего 1927/28 г. в %	—18	+10,7	—1‘8

Мы видим, как вместо непрерывного роста водки и в городе и в деревне, имевшего место в предыдущие

годы, теперь начинается уменьшение: сначала—в городе (первое полугодие 1928/29 г.), а затем—и в деревне (второе полугодие 1928/29 г.). Надо заметить, что параллельно шло и уменьшение производства пива. За 1928/29 г. производство пива в СССР уменьшилось примерно на 20% против предыдущего года. Если бы своевременно приняты были меры для расширения производства безалкогольных напитков, то вытеснение пива оказалось бы еще более значительным. Впрочем пиво является у нас почти городским напитком и с самогоном не конкурирует.

5. Действительные пути вытеснения самогона.

Основное условие для вытеснения самогона—это изменение хозяйственных условий, которые изменили бы направление хлебных излишков: вместо употребления на самогон, направили бы их в другую, более целесообразную сторону.

Политика советской власти создает для этого предпосылки. По пятилетке, принятой V съездом советов СССР, 43% всего товарного хлеба к концу пятилетия будет производиться колхозами и совхозами. Иначе сказать, такими организациями, где обращение хлебных излишков на выкурку из них самогона гораздо менее вероятно и возможно, чем в отдельных индивидуальных крестьянских хозяйствах. Вот это обстоятельство, что 43% всех товарных излишков хлеба буудут производиться совхозами и колхозами, создает первую основную предпосылку для уменьшения самогона в деревне. Особенно важна поэтому работа Общества по линии колхозов и совхозов. Далее пятилетка предвидит громадный рост в деревне всевозможных перерабатывающих предприятий по переработке

картофеля, по развитию свиноводства, птицеводства, предвидит большой рост потребления городским населением (и увеличение экспорта) масла, яиц, телятины и других продуктов скотоводства и птицеводства, требующих громадного количества зерна. Сбыт этих продуктов, на изготовление которых идет зерно (корм птицы и скота), является для крестьянина гораздо более рентабельным и выгодным, чем отчуждение зерна просто в порядке продажи хлеба. Употребление зерна на изготовление более ценных продуктов крестьянского хозяйства, на переработку зерна в продукты птицеводства, скотоводства—это также должно создать значительное отвлечение хлебных излишков от самогона. А вопрос выгодности здесь—решающий, что ясно иллюстрируется географией самогонного производства. В производящих районах с дешевым хлебом производство самогона очень велико. А в округах Ленинградском, Иваново-Вознесенском, Архангельском, Московском, Астраханском и других районах более дорого хлеба, районах с дефицитом собственного производства хлеба («потребляющих»)—душевое потребление самогона, как показало обследование ЦСУ РСФСР, незначительно и далеко уступает водке.

Если к хозяйственным предпосылкам, которые создает пятилетка, принятая V съездом советов, прибавить еще широкое развитие культурной работы в деревне, которое пятилеткой утверждено и которое создаст очень значительное отвлечение крестьян от пьянства, то шансы на вытеснение самогона без обязательного насыщения села водкой надо признать еще более крупными. Мы сейчас в деревне не имеем еще и нескольких тысяч радиоустановок, а по принятой V съездом советов пятилетке, в деревне за эти предстоящие 4 года будет устроено несколько миллионов радио-

установок, не останется ни одной деревни без десятка радио. По пятилетке в деревне будут организованы десятки тысяч кинематографов; при одних только школах будет организовано до 20 тыс. кинематографов, не говоря уже о широкой работе, которая будет проводиться в избах-читальнях и по ликвидации неграмотности взрослых и о всякого рода другой культурной работе. Все это расширение культурной и бытовой работы в деревне создаст еще одну прочную основу для окончательного изживания самогона. Крестьяне вместе с рабочими кое-где уже борются против пьяных праздников и т. п. Мы провели в десятках деревень постановления об отказе от пьяных «престольных» праздников, гарантированные общественными штрафами (Обществу безбожников следовало бы отвлеченную антирелигиозную пропаганду в деревне связывать с подобной хозяйственной установкой; она имела бы больше успеха). Противоалкогольной общественности и в деревне можно и надо итти широким строем и организовать такие же походы в деревню за трезвость какие организовывают рабочие в настоящее время по другим линиям, когда через шефские общества и всякого рода другие организации приходят на помощь деревне ремонтом с.-х. орудий и другими формами своей деятельности.

Противоалкогольными организациями Калуги и Рязани был проведен опыт организации похода городских рабочих в деревню для борьбы за трезвость и внедрение книги, кино, радиоустановок, давший успешные результаты. Это воздействие городских рабочих и общественности города на деревню должно стать правилом, обязательным для каждого крупного городского отделения нашего Общества.

Для более успешной борьбы с торговлей самогоном в деревне (и в городе—с шинкарством) возможно и

необходимо создать личную заинтересованность борющихся, предоставив половину собираемого штрафа милиционеру и половину—заявителю, вместо нынешнего обезличения штрафных сумм; более крупные профессиональные торговцы должны подвергаться конфискации всего имущества. Для нищенствующей части сельских (а также и городских) шинкарок—трудовые профилактории. Ограничение шинкарства должно итти также по линии запрещения продажи из гос и кооплавок более литра в одни руки.

Необходимо к той работе, которую мы ведем в городе, присоединить и работу в деревне с лозунгами:

«Подъем урожайности за счет средств, идущих на самагон и водку!» и «Против пьяных праздников!».

Увязка нашей агитации с производственной установкой крестьянского хозяйства может дать наибольшие результаты в самой деревне и вызвать наибольшую поддержку со стороны органов советской власти. Мне пришлось недавно познакомиться с делом, как крестьяне Ленинградской области Лодейнопольского округа Подпорожского района на районном съезде советов постановили закрыть лавку Центроспирта с обязательством, что те средства, которые пропивали на водку, обратят на подъем урожая и на организацию колхозов. Лавка была закрыта и организовано в последующий месяц 8 колхозов, но так как это было сделано риком самочинно, то Лодейнопольский окружной исполком отменил это постановление и поставил вновь открыть лавку Центроспирта. Дело происходило в апреле этого года. Крестьяне обратились через нас в Совнарком РСФСР. В конце концов в мае окружной исполком согласился лавку Центроспирта закрыть.

Если бы мы в таких вопросах не шли навстречу здоровым крестьянским элементам, то тем самым вызвали бы самое отрицательное отношение ко всему нашему противоалкогольному движению и ко всей рабочей общественности, которая за этим делом стоит. Это означало бы прямо отвлекать крестьянские средства от производственного назначения—к водке.

Такая практика несомненно вызвала бы в деревне самые скверные настроения: «Вы, рабочие, себя в городе от водки освобождаете, а нас, крестьян, спаиваете». Это для нас чрезвычайно опасно, неприемлемо. Мною получен уже ряд подобных заявлений. Вот например заявление от председателя упомянутого Подпорожского районного съезда советов Лодейнопольского округа, подписанное также и секретарем партийного райкома. В этом письме говорится: «Видно ваши обращения печатаются только для города, а деревня повидимому не вправе организованно протестовать против пьянства и требовать трезвой жизни. Не желая оставаться с вышеуказанным мнением, обращаемся к вам с просьбой поддержать ходатайство районного съезда и не допускать открытия лавки Центроспирта. Мы провели демонстрацию II районному съезду советов 17 марта 1929 г. с лозунгами «за поднятие урожайности», «за здоровую трезвую деревню», с требованием закрытия лавки Центроспирта. Эта демонстрация трудящихся подтвердила желание трудящихся повысить урожайность полей, улучшить ведение своего хозяйства за счет средств, расходуемых на водку. Она была самой многочисленной с начала существования советской власти, объединяя не менее тысячи демонстрантов. Лавка была закрыта, в течение первого месяца после этого организовано 8 колхозов, но 25 апреля получе-

но отношение не чинить препятствий Центроспирту в продаже водки и отменить закрытие лавки Центроспирта, чем подавляется здоровая инициатива трудящихся».

Из села Малковки Богдановской волости, Прилукского округа (бывшая Полтавская губерния) прислали ироническое «воззвание», в котором говорится о том, что деревенские жители должны организовать «общества сампьянкарт»: вы, мол, в городе будете организовывать общества борьбы с алкоголизмом, а в деревне борьба с алкоголизмом не ведется, остается организовать «общество сампьянкарт», т. е. самогонщиков, пьяниц и картежников. Прислали даже образец иронического «воззвания» для деревни:

«Пьяницы, самогонщики и картежники! Разъединенные—мы ничто. А объединившись—сделаем славные дела. Разрушим всю культуру, заведем бесчисленное количество кабаков и картежных клубов. Разрушим типографии и на их месте выстроим винокуренные заводы. Книжка—ничто. Самогон и карты—все! Пьянство дает работу кулакам (расквашивает носы, выбивает зубы, калечит жен и детей), поджигает хаты и уничтожает хозяйство. Карты доводят до злодейства, самогон—до нищеты. Все—к нам! Мы разрушим все селянские будинки, все то, что дает нам свет и знание и заведем пьянство, картеж, насилие и темноту. Долой просвещение! Да здравствует клуб картежников, пьяниц и самогонщиков!

Молодежь! на тебя вся наша надежда. Ты с радостью нас поддержишь. Картежники, пьяницы и самогонщики, вступайте в нашу славную партию «Сампьянкарт»! Да здравствуют самогонщики, пьяницы и картежники! Только они могут вывести людей на широкий путь строительства новой деревни!»

6. Опыт административных ограничений и значение перегибов.

Теперь, товарищи, следующий пункт моего доклада. Если такова рентабельность нашей борьбы, если таковы размеры зла, с которыми нужно бороться, то каковы те меры, которыми мы боролись до сих пор и какими мерами будем бороться впредь?

Самой простой мерой были меры административного ограничения продажи алкогольных напитков. Вполне естественно, что наши Общества прежде всего обратились к этому. Это было первой, но конечно не единственной мерой, так как административные ограничения были применены далеко не во всех союзных республиках. Только в двух из них уже изданы специальные законы. В РСФСР есть постановление СНК РСФСР о мерах борьбы с продажей алкогольных напитков от 29 января 1929 г., дополненное 11 мая 1929 г. По Узбекистану есть подобное же постановление СНК Узбекистана от 16 апреля 1929 г. По другим республикам, хотя нет еще общих законов, но есть ряд постановлений местных советов и исполкомов, и теперь мы уже можем подвести итоги этому опыту административных ограничений.

Каковы эти итоги? Надо сказать, что в общем и целом в отношении уменьшения пьянства опыт административных ограничений оправдал себя. Мы имеем, во-первых, данные милиции, во-вторых, данные промышленных предприятий о прогулах после праздничных дней и о прогулах вообще, мы имеем данные об изменении производительности труда и имеем постановления длинного ряда массовых рабочих собраний об итогах этого опыта. Кроме того, мы имеем сведения о шинкарстве, о количестве задержанных шинкарей. Результаты этого опыта по всем городам, по которым толь-

ко собраны сведения, совершенно между собой совпадают, они все направлены в одну сторону и этим показывают, что эти данные не случайные, а имеют общее значение.

Во-первых, всюду значительно уменьшилось алкогольное питье среди рядовой рабочей массы—это несомненный факт—особенно в праздничные дни и в дни получки. Во-вторых, сократилось количество задерживаемых милицией заядлых пьяниц. В некоторые дни—перед пасхой, перед 1 мая—это количество сократилось сплошь и рядом в несколько раз. В-третьих, сократилось количество прогулов на предприятиях в послепраздничные дни. Я не имею возможности утомлять вас оглашением того длинного ряда сведений по отдельным заводам и предприятиям, которые у нас имеются. Но вот например механический строительный цех Прохоровской мануфактуры. Здесь количество прогулов после праздников за весь апрель 1928 г., когда не было ограничения продажи алкогольных напитков, было 67, а за апрель 1929 г., когда эти ограничения продажи алкогольных напитков были,—только 4 прогула. За май я 1928 г. было 33 прогула а в 1929 г.—только 2.

Такого же типа отчеты мы имеем по длинному ряду других московских предприятий — по «Красному богатырю», по Электрозаводу, по типографиям, по текстильным фабрикам и т. д. То же самое в провинции, в тех городах, где введены были ограничения. Всюду картина одинаковая: снижение прогулов в послепраздничные дни, громадное уменьшение задерживаемых пьяных и уменьшение роста пьянства в рабочие дни. Начали несомненно оздоровляться бытовые условия, уменьшились избиения жен (как об этом говорят резолюции текстильщиц) и т. п., но параллельно все же имеется некоторое увеличение количества задерживае-

мых шинкарей. Увеличение числа задерживаемых шинкарей не означает однако равного роста шинкарства. Оно произошло отчасти только статистическим путем благодаря тому, что были изданы новые законы о более строгой борьбе с шинкарством с января этого года и благодаря тому, что прибавились указания членов нашего общества на шинкарей. Благодаря этому стало увеличиваться число случаев задержания милицией тех шинкарей, которые занимались этим промыслом и раньше, но которые раньше не задерживались. В известных пределах произошло и возрастание шинкарства, но оно перекрывается теми положительными результатами, которые имели место. Таким образом в общем и целом опыт административного ограничения в промышленных районах дал благоприятные результаты в смысле уменьшения пьянства.

Но надо отметить, что этот опыт обнаружил также и ряд административных перегибов и увеличение администрированием в этой области. Это заметно было прежде всего по трем линиям. Во-первых, целый ряд местных советов далеко ушел за пределы тех ограничений, которые были декретированы правительственными органами,—устанавливалось закрытие торговли не только по праздникам, не только накануне праздников, но и на специальные двухнедельники трезвости и т. п. которые объявлялись местными органами. Это создавало гораздо больший искус для населения, чем который был подготовлен предшествующей агитацией. Во-вторых, замечался административный перегиб в том смысле, что закрывали лавки Центроспирта в деревне, переполненной самогоном, не принимая никаких мер для пресечения этого самогоноварения, как например применение круговой поруки крестьян, когда крестьяне обязуются под страхом общественного штрафа не курить

самогон, если там закроют продажу водки. Вот таких обязательств не ставилось. В-третьих, замечалось, что административные ограничения распространялись на те места, где перед этим не было проделано никакой общественной работы, где не было вообще даже сколько-нибудь значительного скопления рабочих, не говоря уже о наших Обществах. Надо заметить, что организации Общества борьбы с алкоголизмом в центре и на местах в большинстве случаев остались чужды этим перегибам и своевременно против них предупреждали. Ибо эти перегибы часто означали на деле «отписку», т. е. уклонение местных органов от такой борьбы с алкоголизмом, какая заключается в затрате средств на открытие безалкогольных чайных и других учреждений культурно-бытового отвлечения от пьянства, на чем всюду настаивали наши Общества.

Вся эта практика административных перегибов могла бы не вызывать возражений, если бы борьба с алкоголизмом происходила в безвоздушном пространстве, если бы для нас не имело значения общехозяйственное развитие. Но ведь все стороны хозяйства СССР тесно связаны между собой и взаимно согласованы. По пятилетке, которая в настоящее время принята, производство водки очень значительно уменьшается. В то время как сейчас, в 1928/29 г., у нас производится около 510 млн. литров водки в год, спустя 3 года с небольшим по этой пятилетке, с 1 октября 1932 г. производство водки уменьшится на 30%, а если принять во внимание прирост населения, то душевое потребление по подсчету Госплана уменьшится почти на 40%. Процент уменьшения для начала довольно большой.

Это уменьшение производства водки согласовано с хозяйственным планом в том смысле, что каждый год

часть того дохода, который государственный бюджет имел от водки, пятилетка заменяет другими доходами. По принятому уже V съездом советов хозяйственному плану государство за это время принимает на себя уже крупные суммы—около 300 млн. руб. по замещению доходов в бюджете от алкогольных напитков доходами из других источников.

Если мы будем проводить административные ограничения не в этих рамках, не в рамках сокращения душевого потребления водки на 40%, за эти три года с небольшим, а скажем на 80%, то конечно у нас получится такой недостаток в доходном бюджете, который нашему государству в данный момент не под силу, которого нельзя выдержать без ломки хозяйственного плана. Поэтому ведь мы и не приняли установки на немедленно полное прекращение выпуска, водки, а приняли установку на сокращение выпуска водки в течение ряда ближайших лет с тем, чтобы на 4-й год этого срока количества выпускаемой водки уменьшилось на 30% против нынешнего и душевое потребление — на 40%. А потом количество выпускаемой водки в ближайшие после этого годы совсем сведется на-нет.

7. Установка в вопросах административных ограничений.

Вот эти факты, что, с одной стороны, административные ограничения оправдали себя в промышленных районах в отношении уменьшения пьянства, а с другой стороны,—что были допущены административные перегибы, несогласованные с общим планом хозяйственного строительства,—побуждают нас предложить утвердить такого рода систему административных ограни-

чений, которая была бы согласована как с нашим финансовым и общим планом хозяйственного развития, так и с задачей все большего усиления наступления на алкоголь. Это значит—подходить диференцированно к различным местностям. Например в тех городах, где имеется заметное количество рабочих, и в рабочих поселках проводить административные ограничения в полном объеме. Там же, где нет скопления рабочих и где поэтому общественное мнение не подготовлено, а проведение ограничений не имеет уж такого острого значения для укрепления промышленности и транспорта и тем самым всего государства,—там проводить только известный минимум ограничений например запрет торговли спиртными напитками и пивом в рабочих клубах, общественных учреждениях, столовых народного питания, местах массовых гуляний и т. п., и т. п. Такая же диференциация должна быть проведена и в деревне, смотря по тому, дают крестьяне определенные обязательства и гарантии или нет, находится деревня в самогонном районе или нет и т. д.

В деревнях административные ограничения общего характера (сокращение сети, запрет подажи по праздникам и в кооперативах) могут проводиться пока как правило лишь в пределах несамогонного или почти несамогонного района (Ленинградская, Московская, Иваново-Вознесенская и Северная область) и в селах, непосредственно примыкающих к таким основным предприятиям, как рудники Донбасса, Днепростроя и т. п. Здесь должно быть сосредоточено все то сокращение деревенского потребления, какое намечено пятилеткой. В других районах сокращение сети и другие административные ограничения общего характера могут проводиться в деревнях лишь при наличии особых обстоятельств, как круговая порука о прекращении само-

гонокурения с общественными штрафами для нарушителей и т. п., либо при принадлежности данных местностей к виноградным районам СССР (Узбекистан, Туркменистан и т. д.).

Существующая сейчас чрезвычайно неустойчивая практика как законодательная, так и административная в вопросах административных ограничений продажи алкогольных напитков вредна втройне. Она без нужды нервирует население, по несколько раз в год ставя в различные условия. Она самой своей неустойчивостью создает представление об отсутствии в этом вопросе ясной и твердой линии, на которую могли бы надежно ориентироваться хозяйственные и общественные учреждения и местные органы. Она наконец местами без неизбежности по госбюджетным соображениям подрывает успехи социалистического соревнования и трудовой дисциплины, а местами без пользы для промышленности и транспорта преждевременно лишает бюджет источников, предусмотренных планом на данный год.

Только диференцированный по отдельным местностям подход на каждый данный год, укладывающийся в общие пределы наметки пятилетки на данный год, и ежегодный пересмотр этой диференцировки согласно ежегодному сокращению алкогольной наметки пятилетки—только такая система может упорядочить вопрос об административных ограничениях на весь переходный период, остающийся до полного исчезновения из государственных планов производства и продажи алкогольных напитков.

При использовании существующего законодательства по ограничению продажи алкогольных напитков (постановления СНК РСФСР с 29 января по 11 мая 1929 г. и СНК Узбекистана от 16 апреля 1929 г.) и при проведении тех же постановлений в прочих союзных рес-

публиках—местным обществам борьбы с алкоголизмом необходимо:

1. Контролировать путем введения дружин общественных наблюдателей по алкоголизму из членов Общества (по образцу утвержденных Моссоветом, см. инструкцию АОМС в № 9 «Трезвость и культура» за 1929 г.)—точное выполнение всех обязательных ограничений.

2. Использовать в частности следующие предоставленные законодательством возможности: право запрета местными советами всякой продажи водки вблизи фабрик, заводов и т. д. по постановлениям рабочих собраний; ограничение продажи определенными часами (примерно не позже 4 час. дня для водки и не позже 6 час. для пива и вина). Полное прекращение рабочей кооперацией повсеместно всякой продажи всех алкогольных напитков по добровольным постановлениям пайщиков или правлений кооперативов, в том числе во всех столовых и закусочных; устранение торговли алкогольными напитками из лавок сельской кооперации в тех местах (волостях, районах), где есть лавка Центроспирта; проведение круговой поруки деревень, обеспеченной штрафами, о прекращении самогона и при этом условии—закрытие губисполкомами (окрисполкомами) продажи водки в этих местах; перевод пивных заводов на производство безалкогольных напитков; выполнение местными советами возложенного на них СНК обязательства об отпуске средств для открытия безалкогольных чайных и рабочих кафе с художественными развлечениями вместо закрытых уже пивных и лавок Центроспирта, полное запрещение повсюду продажи в дни получек зарплаты и т. д.

За последний год практика административных ограничений алкогольных напитков у нас все время менялась: то предлагали кооперации не свертывать продажу

водки, то предлагали свертывать, то постановляли увеличить выпуск водки, то постановляли уменьшить его. За текущий год мы трижды меняли законодательную практику относительно продажи водки в субботу и в воскресенье—разрешали, запрещали и вновь разрешали.

Насколько иногда случайны были наши решения видно из того, что одни из них порой не соответствовали другим. В августе 1928 г. мы потсановили увеличить выпуск водки и в то же время предложили кооперативам свертывать водочную сеть, что они в значительной степени выполнили. А в апреле 1929 г. мы постановили, наоборот, значительно уменьшить продажу водки (в городах на 30% и в деревнях на 15% по сравнению с предыдущим полугодием) и в то же время сняли с кооперативов обязательство свертывать продажную сеть.

Принятие пятилеткой систематического ежегодного уменьшения продажи водки и пива должно положить конец неустойчивости законодательной практики и создать твердую линию в сторону систематического ограничения числа мест и дней продажи водки.

Надобность в городах усиления борьбы с алкоголизмом общеизвестна. Ограничусь несколькими характерными цифрами. На улицах Москвы в 1926 г. в пьяном виде задержано 36 тыс. чел., а в 1927 г.—73 тыс., в 1928 г.—122 тыс.

На улицах Ленинграда в 1928 г. задержано 113 тыс. чел. По данным выборочного обследования, в число 235 тыс. пьяных, задержанных за последний год на улицах Москвы и Ленинграда, входит около 20 тыс. случаев задержания милицией партийцев в пьяном виде на улицах столиц. Около 90% общего числа задержанных пьяниц составляют рабочие. В таких условиях, при таком быстром росте числа рабочих, задер-

жанных в пьяном виде, должно быть совершенно очевидно, насколько необходимо задержать распространение водки энергичными мерами как культурного, так и административного характера.

Иногда отрицают *всякое* значение за административными ограничениями производства и продажи алкогольных напитков и ссылаются на «опыт» Америки. В Соединенных штатах официально алкогольные напитки запрещены, но фактически имеется громадная алкогольная контрабанда. Правда, в силу дороговизны контрабандных напитков она обслуживает преимущественно имущие классы. А на заводах наступило значительное отрезвление, повысившее производительность труда. Поэтому американская буржуазия поддерживает официальное запрещение «законного», общедоступного алкоголя, сохраняя для себя контрабанду. Мы предостерегаем против недооценки административных ограничений и против таких шаблонных ссылок на пример Соединенных штатов Северной Америки еще по двум причинам.

Во-первых, у нас объем и круг административных ограничений, если взять за исходный пункт постановление СНК РСФСР от 11 мая 1929 г., должен будет в будущем все расти уже просто потому, что пятилетка систематически сокращает выпуск водки и пива. Во-вторых, в Америке *железные дороги и пароходы* принадлежат отдельным капиталистам, которые охотно наживают на контрабандной перевозке тамошней водки. В СССР железные дороги и водный транспорт принадлежат пролетарскому государству, которое не будет заниматься контрабандным провозом, раз само устанавливает административные ограничения. А *без транспорта нельзя наладить в крупных размерах снабжение самогоном больших*

центров. Это достаточно показал и опыт всех городов советской республики до разрещения торговли водкой и ее провоза.

8. Будущее производства алкогольных напитков.

Кроме мер в области административных ограничений продажи алкогольных напитков, основными средствами у нас являлись, во-первых, ограничение производства государством алкогольных напитков, а во-вторых,— развитие мер культурно-бытового отвлечения от пьянства и в частности открытие чайных и других учреждений народного питания без алкогольных напитков и противоалкогольных диспансеров. Ограничение производства алкогольных напитков за последнее полугодие, т. е. с ноября 1928 г., достигло больших успехов. В ноябре 1928 г. еще существовала наметка комиссии Госплана СССР о том, чтобы производство водки и пива по пятилетке значительно увеличить. В течение ряда последних месяцев при нашем оживленном участии, при целом ряде выступлений представителей нашего Общества на фабриках и заводах, на сессиях ЦИК и съездах советов, в партийных органах, в Госплане Союза и т. д. было достигнуто постепенное изменение этой программы. Сначала предполагавшийся рост производства водки и пива был замененен программой стабилизации (устойчивости размеров производства), которая в дальнейшем была заменена программой уменьшения в городе и сохранения в деревне прежнего уровня. Наконец перед майским съездом советов был принят последний вариант, который дает уменьшение производства и потребления и в городе и в деревне, как приведено выше. Притом уменьшение не только по водке, но и по пиву (с 360 млн. литров, т. е. с 30 млн.

ведер, выпитых в прошлом году, до 265 млн. литров, или 22 млн. ведер, через 3 года с небольшим). При таком темпе, притом постепенно ускоряющемся по пятилетке, мы дойдем до полного прекращения производства водки и пива государством не в 10 лет, как говорили в июне прошлого года при составлении проекта противоалкогольного закона, но в более короткий срок.

Успехи нашего движения позволяют ожидать более быстрого изжития этого производства и потому, что имеются еще неиспользованные крупные возможности. Правительство приняло установку на уменьшение производства алкоголя в этих размерах (на 30% абсолютно и на 40% по душевому потреблению) только потому, что государственный бюджет может найти по пятилетке средства для замещения части доходов, которые приносят алкогольные напитки, лишь в этих размерах; но если бы удалось установить какой-нибудь дополнительный источник дохода, сверх предусмотренного пятилеткой, то мы имеем заверение руководящих деятелей нашего государства в том, что этот добавочный доход пойдет на еще более усиленное сокращение производства и продажи спиртных напитков в нашей стране, потому что советская власть кровным образом заинтересована в возможно быстром уменьшении производства и продажи алкоголя. На последнем съезде советов (май 1929 г.) я внес предложение о введении в промышленности сплошного производственного года, который к концу пятилетия обещает государству в год сотни миллионов рублей дополнительного дохода, непредусмотренного пятилеткой. Хотя прошло еще очень немного времени со времени выдвижения этого предложения, но ввиду того, что его ясность и техническая легкость были сразу очевидны, оно очень

быстро начинает получать признание—уже и в ВСНХ СССР и в ВСНХ РСФСР идет деловая проработка вопроса о постепенном переводе промышленности на сплошной производственный год, уже профсоюзы высказались продолжительно, и вопрос поставлен сугубо практически.

Мы можем считать таким образом, что указанный путь значительного увеличения государственных доходов сверх доходов, предусмотренных в пятилетке, начинает постепенно осуществляться, и потому мы поставим перед правительством вопрос, чтобы эти добавочные доходы, согласно данным заверениям, были направлены отчасти на добавочное уменьшение водки и пива, сверх того уменьшения, которое уже принято существующей пятилеткой.

В пятилетке предусмотрен подъем производительности труда на предприятиях на 110% и значительный подъем производительности труда крестьянства. Можно ли добиться намеченного подъема производительности труда, не обеспечив наше хозяйство более трезвым рабочим и крестьянином? Прочтите последний официальный отчет, опубликованный в газетах. Вы увидите, что за прошлый год на производство водки и пива ушло около 500 тыс. тонн зернового хлеба и несколько сотен тысяч тонн картофеля. Что лучше подействует на производительность труда: если мы эти, заготовленные государством 500 тыс. тонн зернового хлеба и несколько сотен тысяч тонн картофеля будем давать рабочим и крестьянам в виде водки или в виде продовольственного питания? Будучи так поставлен, вопрос даже не требует ответа.

Мы начали выпуск водки пять лет назад, чтобы вытеснить самогон и получить добавочные средства, но

оказалось—параллельно увеличился выпуск самогона. Мы добросовестно заблуждались пять лет тому назад, когда считали возможным водкой уничтожить самогон. Но теперь мы знаем, что это наше оружие было тупым: дьяволом чорта не вышибешь. Мы не имели возможности исправить ошибку раньше по бюджетным соображениям, но теперь и в отношении средств наше хозяйство крепнет. Пятилетка дает картину колоссального роста хозяйственной мощи; в лучшей организации труда заложен такой дополнительный рост наших возможностей, что это вполне позволяет подготовиться к тому, чтобы в будущую пятилетку водки совсем не было, чтобы в этой пятилетке производство водки из года в год уменьшалось и к концу свелось к нулю. Поскольку вся наша пятилетка есть осуществление, как правильно писал в «Правде» т. Кольцов, завета великого директора того предприятия, которое называется «Союз ССР»,—Ленина, надо, чтобы больше был выпячен завет, высказанный им в словах: «спиртные напитки ведут нас назад к капитализму, а не к социализму». В свое время мы неизбежно должны были маневрировать. Но когда создаются хозяйственные и культурные возможности для того, чтобы покончить с таким маневрированием,—с ним надо покончить. Эта пятилетка должна быть последней, когда еще существует в нашем государственном плане темное водочное пятно.

Раньше чем перейти к следующему пункту, разрешите сказать два слова о других алкогольных напитках: об алкогольных фруктовых и плодовых наливках и т. п. и о виноградном вине.

Успехи техники создали возможность изготовления из фруктовых, плодовых и т. п. соков натуральных безалкогольных напитков, дефицитных на рынке, рен-

табельных и пользующихся громадным спросом. Потому отпадает необходимость в переработке в алкогольные напитки крестьянской плодовой продукции для обеспечения возможности ее реализации. Ввиду этого надо поддержать ходатайство Плодовинсоюза о прекращении изготовления алкогольных сладких наливок из соков плодов и фруктов и об обращении их на изготовление натуральных безалкогольных напитков из этих соков.

Учитывая особое положение виноградарства, возможно ограничиться в настоящее время в отношении производства виноградных напитков следующей программой: 1) развитие переработки винограда в виноградный сок, изюм и прочие сладости; 2) улучшение условий железнодорожных перевозок и хранения, что позволит населению крупных центров в громадном количестве потреблять в натуральном виде виноград, ныне неизбежно пускаемый на переработку в вино; 3) запрещение теперь же выпуска на внутренний рынок вместо натурального виноградного вина напитков, искусственно сдобренных спиртом (в том числе виноградным); 4) подчинение продажи виноградного вина в промышленных районах тем же ограничениям, какие установлены для прочих алкогольных напитков; 5) дальнейшее расширение виноградорства за счет насаждения сортов, пригодных для столового употребления и переработки в безалкогольные продукты, а не только в вино.

Следует с удовлетворением отметить постановление СНК Узбекистана от 16 апреля 1929 г. по виноградарству и виноделию, выдержанное в указанном направлении, а также данное уже Совнаркомом РСФСР Госплану поручение—соответственно проработать до осе-

ни 1929 г. вопрос о виноградарстве и виноделии также и в РСФСР.

9. Культурно-бытовое отвлечение.

Теперь перехожу к области культурно-бытового отвлечения. Здесь основное, первое—это производство безалкогольных напитков, открытие новых чайных и подобных учреждений. По этим вопросам будут в конце июня специальные доклады Центросоюза и ВСНХ СССР, потому на этом разрешите мне сейчас не останавливаться.

Скажу только, что мы внесли в Совнарком подробный проект закона о развитии производства безалкогольных напитков, о снижении цен на них, о развитии снабжения молоком и производства его и т. д. Кое-что из него принято уже предварительной комиссией Совнаркома и передано ПК СНК СССР на отзыв Госплана до 15 июля 1929 г. В частности: учреждение особого органа в составе ВСНХ, который будет заботиться о производстве безалкогольных напитков; нормировка цен на Нарзан и т. п.; выписка из-за границы кое-какого недостающего оборудования для производства жидкой углекислоты, необходимой для безалкогольных напитков; организация больших молочных совхозов поблизости больших городов и рабочих районов, чтобы снабжать молоком и т. д. Кое-что реальное очевидно здесь будет достигнуто уже в скором времени, особенно по линии перевода пивоваренного производства на выделку безалкогольной продукции (частично это осуществляется уже летом 1929 г.).

Не буду останавливаться также на вопросах отвлечения от пьянства развитием киносети и радиосети, так как это тоже войдет в доклад Центросоюза. Скажу

только, что из специального фонда в 200 млн. руб., который пятилеткой на предстоящие 4 года выделяется для преодоления алкоголизма мерами бытового отвлечения,— целых 150 млн. руб. назначено для расширения киносети. Вместе с выдвигаемой нами мыслью о предоставлении под кино части церквей и синагог и о приспособлении под кино подвалов больших жилых домов,—это серьезно сдвинет дело с места.

Мы получили также принципиальное согласие на установление государственного дотационного фонда для приближения столичных театров к рабочим районам остальных частей Союза, т. е. чтобы 10 лучших столичных театров Москвы и лучшие театры Ленинграда получили возможность систематически ставить большее количество своих постановок на Урале, в Донбассе, в Баку, в Туле в Иваново-Вознесенске и в других крупных центрах нашей страны. На очереди стоят также меры по линии ВСНХ по усилению производства спортивного оборудования, музыкальных инструментов, фотоаппаратов. Некоторая предварительная работа в этой области уже проводится.

В области удешевления книги мы ставим вопрос о снятии налогов, довольно значительных, на книгу, которые в настоящее время существуют; об организации специальной бумажной фабрики сверх пятилетки за счет добавочных доходов от сплошного производственного года для удешевления книги и целый ряд других мер. В общем в области мер культурно-бытового отвлечения от алкоголизма положение теперь коренным образом меняется по сравнению с тем, как оно было последние годы до сих пор. В самые последние дни перед V съездом советов, согласно постановлению руководящих органов пятилетка была увеличена в культурной области на 1 млрд. руб.

Это утверждено теперь V съездом советов с целью развития как раз таких отраслей работы, которые нам особенно необходимы: с целью развития киноработы, радиоработы в клубах, с целью развития красных уголков, изб-читален и прочих учреждений. Таким образом сеть учреждений по культурно-бытовому отвлечению от пьянства, и в том числе чайных, должна будет получить очень крупный толчок. Поэтому мы сможем и перед местными советами и перед кооперацией выступить в этом отношении гораздо более энергично. Мы внесли уже в президиум ВЦИК (и Всесоюзный совет должен внести это и в ЦИК) проект обязательного указания кооперации и местным советам, чтобы, вместо всех закрытых пивных и лавок Центроспирта и винных магазинов, были в равном количестве уже теперь открыты чайные и рабочие кафе с художественными развлечениями, без алкогольных напитков. По СССР в настоящее время закрыто более тысячи пивных и лавок Центроспирта, а новых культурных чайных, новых культурных рабочих кафе, по крайней мере насколько мы знаем, открыто всего менее 200 штук. Правда, это больше, чем ничего, но это все-таки очень мало по сравнению с той тысячей закрытих пивных и лавок Центроспирта, которые нужно заменить этими культурными чайными.

10. Школа и учебная часть.

Следующая область нашей работы—это школа и учебная часть. Нужно отметить очень большой размах детского движения. Мы насчитываем около 200 детских демонстраций, специальных массовых детских демонстраций против алкоголизма взрослых. Это движение надо закрепить введением преподавания против алкоголизма в школах.

В масштабе РСФСР через СНК РСФСР уже проведено поручение Наркомпросу принять соответствующие меры. Вместе с нашим представителем т. Дейчманом Наркомпрос разработал целый ряд мер, которые утверждены коллегией Наркомпроса 23 апреля 1929 г.

Коллегия Наркомпроса 23 апреля утвердила 6 основных мероприятий:

1) чтобы Главсоцвос в месячный срок закончил проработку плана и программ преподавания противоалкогольных сведений в школах первой и второй ступени (чтобы это было готово во всяком случае до начала следующего учебного года);

2) чтобы в трехмесячный срок вместе с Обществом борьбы с алкоголизмом были выработаны система, метод и форма преподавания сведений о борьбе с алкоголизмом;

3) чтобы в переиздаваемые учебники с будущего года включались важнейшие сведения по противоалкогольной программе;

4) чтобы в план переподготовки учительства начальных школ, которая будет происходить летом, была включена противоалкогольная пропаганда (по разделом обществоведения, гигиены и пр.), чтобы само учительство с осени было уже больше к этому подготовлено;

5) чтобы Главпрофобр, начиная с осени 1929 г., ввел преподавание необходимых сведений против алкоголизма в программы педагогических и медицинских вузов, а также в программы всех техникумов и специальных курсов.

6) наконец, чтобы был внесен в Совнарком проект закона о наложении взысканий на родителей, влияющих на детей в смысле приучения их к алкоголю.

Решения СНК РСФСР и коллегии Наркомпроса РСФСР по этому делу могут свободно послужить образцом и для прочих союзных республик. Мы озаботимся, чтобы этот вопрос был поставлен на Всесоюзном совещании наркомпросов союзных и автономных республик, которое происходит каждый год.

11. Новые методы работы.

Кроме этих форм борьбы—борьбы по линии административных ограничений, по линии уменьшения производства алкогольных напитков, по линии борьбы с шинкарством и самогоном, по линии мер культурного и бытового отвлечения от алкоголизма, по линии развития безалкогольного питания и производства безалкогольных напитков, по линии лечебной и школьной, помимо этого наше движение за последнее полугодие выдвинуло ряд методов, которые еще не применялись в то время, когда мы с вами встретились в первый раз, полгода тому назад. Сюда относятся, во-первых, посылка киноэкспедиций. Мы применили эту систему в первый раз в апреле 1929 г. Мы послали на месяц специальную противоалкогольную киноэкспедицию в Шахтинский округ Донбасса с докладчиками, передвижкой, фильмами, выставкой и т. д.; эта экспедиция посетила 28 рудников, провела на каждом из них демонстрацию кинофильм с докладами и выставкой, кое-где организовала противоалкогольные ячейки. В общем надо сказать, что эта киноэкспедиция вызвала положительное отношение со стороны рабочей массы, а также профсоюзных и партийных организаций, и мы решили поставить эту работу шире. Сейчас у нас уже действует такой же кинообход по массовым скоплениям строительных рабочих, который обошел уже около 10 больших скоплений строительных

рабочих. Кроме того, заключаем договор с ЦК профсоюза горняков о том, что мы направим еще 3 киноэкспедиции, расходы по которым частью принимаем на себя. Мы отправляим специальную противоалкогольную киноэкспедицию в Кузнецкий бассейн Сибири, который особенно заброшен в культурном отношении, где не достанешь даже книжки, но достанешь водку и самогон; во-вторых,—на Урал, где пьянство достигло совершенно рекордных размеров, и в-третьих,—на торфяные работы, где работают крестьянские отхожие рабочие. Пьянство там неслыханное, культурная работа слаба, а значение торфяники приобретают огромное, особенно в этом году, когда перед нами стоит задача добычи возможно большего количества торфяного топлива. Практика таких экспедиций должна быть развита всеми республиканскими обществами на началах соглашения с профсоюзами.

Также надо отметить развившуюся за последнее время практику созыва конференции п ь ю щ и х д е в у ш е к, конференций пьющей молодежи, отдельных специальных групп рабочего класса, например сезонников и других. Опыт показал, что такие специальные конференции пьющих рабочих и работниц дают очень много для преодоления алкоголизма в их среде. Помогают бороться с ним и ставить работу на более правильные рельсы.

Третьим новым методом работы, который впервые возник за это полугодие и который мы точно так же рекомендуем общему вниманию, является метод организации б ы т о в ы х к о н ф е р е н ц и й. Он был впервые применен в Выборгском районе Ленинграда, точно так же как там была созвана и первая конференция пьющих девушек. Впоследствии этот метод стал перебрасываться в другие города. Ленинградцы остановятся

вероятно специально на той подготовительной работе, которую необходимо проделать для этих конференций, а также и на тех результатах, которые они дают, ибо бытовые конференции—это прежде всего прекрасные средства втягивания широкой женской массы, работающей дома, в своих семьях, в жилтовариществах, а не на фабриках и заводах.

Новый вид работы, который был выдвинут в последние месяцы,—также создание общественных наблюдателей по алкоголизму. Это впервые осуществлено в Москве, где, на основании нашего законодательства и постановления соответствующих органов в дополнение к существующей официальной милиции, введены особые общественные наблюдатели по алкоголизму, снабженные специальными мандатами от милиции, из числа рабочих от станка, обязательно—членов нашего общества, за которых взяли на себя ответственность районные отделения Общества и которым дано полномочие, до сих пор принадлежавшее только органам милиции. Именно эти наблюдатели получили право составлять протоколы на все государственные, общественные и кооперативные учреждения, которые будут допускать какие-либо нарушения противоалкогольных правил, издаваемые местными советами, например если будут допускать продажу водки в столовых Нарпита, или пива в рабочих клубах, или вина в местах массовых рабочих прогулок и т. д. и т. п. Моссовет издал постановление, по которому каждое такое нарушение будет караться административным штрафом до 100 руб. в первый раз и уголовным судом—во второй раз. Мы приступили уже к началу этой деятельности и произошел комический случай, когда в числе учреждений, попавших под такого рода протокол, оказались некоторые учреждения органа самого

Моссовета, а именно—пивные Моссельпрома, торговавшие водкой. Наши наблюдатели составили соответственные акты, которые получили дальнейшее движение, причем оказалось, что такие отступления от правил самочинно разрешило Управление делами Моссовета за подписью секретаря президиума Моссовета т. Козлова. Думаю, что этот вид деятельности—введение общественных наблюдателей—везде необходимо провести.

Затем у нас появился еще новый род деятельности—шефство над пьющими и их семьями—специальное индивидуальное шефство, обработка пьющих прогульщиков по всем линиям. Устраивали собрания, брали шефство над отдельными лицами; такое воздействие в ряде случаев несомненно помогало. Принимались также такие меры, как выдача зарплаты в известных пределах не самому прогульщику, а его семье, воздействие через стенгазету, всякого рода общественные выговоры, специальные беседы, направление в диспансеры и забота о том, чтобы они попали в эти диспансеры, не затесываясь в какие-нибудь другие места, вызовы, через печать бросившими пить своих пьющих приятелей и т. п.

Такое шефство над пьющими дало нам уже не одну сотню людей по СССР, бросивших пьянство.

Наконец еще один метод борьбы, о котором я упоминал, но который развился только в последнее время, это—метод рабочих походов из городов в деревни, впервые организованных из Калуги и Рязани. К этому надо еще прибавить агитацию за передачу всякого рода церквей и синагог под кино и клубы, которая в некоторых городах развивается довольно широко и на которую в ряде случаев дал согласие целый ряд соответственных органов, поощряя передачу таких зданий под общественно-полезные куль-

турно-бытовые учреждения. В ряде деревень нам удалось получить приговоры крестьян об отмене некоторых традиционных «пьяных» праздников (главным об. зом престольные дни).

Все эти методы нужно распространять на районы деятельности всех наших организаций. Замечу, что при нашем довольно энергичном нажиме и почине (а изредка и денежном участии) по СССР за последний год открыто более двух десятков новых противоалкогольных диспансеров, в то время как раньше их было всего несколько штук. Конечно это пока очень немного, но дело видимо развернется.

Наконец мы предлагаем вам шире развернуть соревнование между ячейками нашего общества на предприятиях: кто больше навербует новых членов и подписчиков на «Трезвость и культуру», где больше сократятся прогулы и расходы на спиртные напитки, где добьются согласия большого количества рабочих на лечение от алкоголизма и т. д.

12. Оргвопросы и заключение.

Я не остановлюсь на организационных вопросах, ибо они у нас стоят особо в порядке дня.

Упомяну лишь приказ Реввоенсовета о разрешении организации ячеек по борьбе с алкоголизмом в составе армии и флота. Кое-где эта работа началась практически, например в Кронштадте, представителя которого, краснофлотца, мы здесь имеем, но в подавляющем большинстве мест к этой работе еще не приступлено. Поэтому наша организация должна войти в соглашение с местными руководящими военными организациями об энергичном двигании этого дела.

Надо остановиться также, хотя бы в двух словах, на взаимоотношениях с другими добровольными общества-

ми, как «Шефское общество», «Общество безбожников», «Техника—массамм», «Общество ликвидации неграмотности», общества «Друг детей», «Друзья кино» и т. д.

С этими обществами у нас неизбежны близкие отношения. Может быть со временем, через ряд лет, мы придем к тому, что все эти общества сольются в какую-нибудь единую организацию по насаждению нового быта, но пока я думаю нам достаточно будет в центре и на местах организовать периодически собирающиеся совещания добровольных обществ, работающих в области переустройства быта, куда вошли бы и общество по борьбе с алкоголизмом и «Шефское общество», и «Друг детей», и «Техника массам», и «Общество безбожников» и «Друзья кино» и целый ряд других организаций, чтобы через посредство этого Совета согласовывать свои планы работы и подготовлять ряд совместных выступлений.

Если бы эти специальные общества мы сейчас закрыли и влили все в одну кучу, то была бы большая опасность, что некоторые специальные отрасли работы не имели бы достаточного внимания. Уже и сейчас некоторые из этих добровольных обществ далеко не имеют такого живого характера, какой имеют наши противоалкогольные организации. Растворить сейчас наши противоалкогольные организации во всех обществах при нынешнем состоянии алкоголизма в СССР было бы преждевременно.

Когда пройдет эта пятилетка, и если в эту пятилетку исполнится та надежда, которую высказал на Съезде т. Кржижановский и которую высказываем мы все здесь, что нам удастся еще больше ограничить алкоголизм, чем мы это утвердили в пятилетке, тогда во второй пятилетке, к концу ее или в середине, можно будет подумать об объединении всех или некоторых

этих бытовых обществ в одну организацию. А пока у нас еще слишком большие специальные задачи—пока достаточно согласовывать свои планы работы и делать ряд совместных выступлений.

Я думаю, что разница между нашим положением теперь и между положением, которое было полгода тому назад, заключается вот в чем: в прошлый раз я докладывал, что подготовительная комиссия СНК приняла постановление о том, чтобы признать желательным, чтобы Госплан разработал вопрос о возможности создания программы постепенного свертывания производства алкогольных напитков, даже не ограничивая никаким сроком. Говорили о десяти и даже пятнадцати годах, но не решались принять даже и этих сроков, может быть и это окажется невыполнимым. Даже это постановление подготовительной комиссии СНК не было в то время утверждено, временно осталось без утверждения. С тех пор прошло полгода, и внимание пролетарской общественности настолько было привлечено к вопросам борьбы с алкоголизмом, что в настоящее время пятилетка, которая уже утверждена съездом советов, дает сокращение производства государством алкогольных напитков, а параллельно с этим—усиленные затраты государства на меры культрно-бытового отвлечения от пьянства.

Надеюсь, что когда через год нам придется с вами еще раз собраться, мы сможем опять засвидетельствовать непрерывный рост нашего дела и будем иметь и в дальнейшем не меньший успех.

АЛКОГОЛИЗМ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ.

(По данным МГСПС)

1. Общие итоги.

После XV съезда партии борьба с развитием алкоголизма среди рабочих становится все более в порядок дня. Для успеха этой борьбы и для правильного выбора путей большое значение имеют: 1) ознакомление с фактическим характером алкоголизма среди рабочего населения; 2) установление роли этого явления в народном хозяйстве, сопоставление прямых и косвенных убытков с получаемыми выгодами.

Освещение первого пункта вносит ясность в понимание реальных размеров опасности и облегчает выбор средств для ее преодоления. Освещение второго пункта дает возможность наметить действительные размеры задачи по замещению в госбюджете и во всем народном хозяйстве доходов от спиртных напитков другими источниками.

Для понимания и освещения структуры современного рабочего алкоголизма в СССР необычайно ценное значение имеют подробные массовые бюджетные разработки, которые ведутся МГСПС в Москве и Московской губернии уже в течение пяти лет (1924—1928)[1].

Развитие алкоголизма среди рабочих Москвы с губернией является достаточно типичным для всех крупных рабочих районов. Правда, в Ленинграде в среднем на

[1] Сведения эти разработаны теперь в 30 таблицах и любезно доставлены нам заведущим Московской статистикой труда т. Вовси.

душу выпивали несколько больше, а в Туле еще больше. Не отстает и Донбасс. Зато в некоторых других районах пьянство немного меньше. Так что в среднем Москва является в этом смысле достаточно показательной. К тому же на Москву с губернией, по данным профсоюзов, приходится около 20% всего пролетариата СССР.

В Москве (без губернии) за 1927/28 г. выпито около 330 тыс. гектолитров водки (по данным Центроспирта о продаже). При среднем размере московской семьи в 4 человека это дает около 65 литров водки (или 108 бутылок) в год на среднюю московскую семью [1]. Пива приходится, по такому же расчету, около 90 литров в год на среднюю московскую семью.

Материалы МГСПС по самому характеру бюджетных обследований могли охватить главным образом лишь более культурную и более активную общественную среду. Поэтому по сквозным бюджетам МГСПС потребление за последний год оказывается примерно в два раза меньше среднего общего фактического потребления водки и пива московской семьей. Но средний заработок охваченных бюджетными обследованиями семей близок к среднему московскому заработку, а нарастание потребления по годам, получающееся по бюджетам, охваченным МГСПС, соответствует официальным данным о росте фактической ежегодной продажи водки и пива в Москве за те же годы. Таким образом, хотя абсолютные данные об алкоголизме бюджетных обследований МГСПС преуменьшены вдвое против фактической средней по Москве, относительные величины дают достаточно верное представление о происходящих в этой области изменениях.

[1] Каждые 3 литра равны 5 бутылкам. Так что 65 литров равны 108 бутылкам. Гектолитр—100 литров.

Водка, как известно, стала легальной с 1924 г. Бюджетные обследования МГСПС охватывают потребление самогона, водки и водочных изделий, виноградного вина и пива. Самогон теперь (в отличие от 1924 г.) уже совершенно исчез из потребления московских рабочих и служащих. Если перевести на содержащийся в них абсолютный алкоголь: 1) водку (с водочными изделиями, как «Горный дубняк» и пр., которые все причитаны бюджетами к водке), 2) виноградное вино, 3) пиво,—то за календарный 1927 г. получится удельный вес отдельных напитков. По количеству всего потребляемого алкоголя за календарный 1927 г. приходится (в процентах):

	у мужчин	у женщин
На водку	82,0	92,9
На пиво	12,5	2,2
На вино	5,5	4,9

Сразу обращает на себя внимание, что женщины сравнительно очень мало пьют пива. Действительно сравнение абсолютных величин за тот же 1927 г. показывает, что средняя женщина выпивает в Москве меньше среднего мужчины: водки в пять раз, вина в шесть раз и пива в тридцать раз. Пиво—чисто мужской напиток.

Поскольку алкоголизм распространен преимущественно среди рабочих, а не работниц, и поскольку пиво (и вино) играют заметную роль в алкогольном потреблении и вытекающих из него прогулах и т. д. — постольку пиво и вино никоим образом не могут быть исключены из круга мер по борьбе против алкоголизма. Тем более, что еще крупнее их роль в бюджете рабочего. За 1927 календарный год из расходов на алкоголь у мужчин приходилось: на водку 66,7%, на пиво—21,1% и на вино—12, 1%. Сле-

довательно целая треть расходов на алкогольные напитки приходится именно на пиво и вино. Кстати сказать, доходы государства от пива и вина незначительны, а расходы рабочих—очень велики. Защита освобождения пива и вина от ограничительных мер против алкоголизма не имеет таким образом даже того объяснения интересами госбюджета, какое выставляется в известных пределах в отношении водки. Для вина приходится принимать еще во внимание интересы крестьянского виноградарства (впредь до создания у нас кустарной и заводской переработки винограда на безалкогольные продукты). Но в отношении пива нет и этого объяснения—оно изготовляется из продукта и без того дефицитного (ячмень). К тому же пиво не играет никакой роли в вытеснении самогона из деревни. Пиво—предмет потребления населения исключительно городского типа.

2. Динамика потребления.

При таком соотношении отдельных напитков внутриалкогольного потребления пролетариата, особый интерес имеют данные бюджетных обследований МГСПС о росте постепенного охвата московского пролетариата потреблением водки. Из всех московских рабочих семей производили расходы на водку (в среднем за каждый месяц соответственного года), по бюджетным обследованиям МГСПС (в процентах):

1925 г.	27,2
1926 „	56,8
1927 „	75,3
1928 „	93,1

За 1928 г. наблюдения относятся только к первому полугодию. Если взять не только водку, а все алкогольные напитки, то этот процент окажется выше, так

как были семьи, у которых расходы были только на пиво или (в 1925 г.) только на самогон и пиво и т. п. Случаи расхода на какие бы то ни было алкогольные напитки, в среднем (в %) за месяц соответствующего периода, были в следующей части московских семей:

1925 г.	58,9
1926 „	76,1
1927 „	86,8
1928 „	95,1

Между прочим, если выделить семьи, в которых нет взрослых мужчин («женские семьи»), то из таких семей в 1927 г. расходуют на алкоголь только 33,3%. Наоборот, из выделенных таким же образом «мужских семей» производили в то же время расходы на алкоголь целых 96,8%, почти все. Средняя доля всех семей была в этом году 86,8%. Так как в следующем 1928 г. эта величина поднялась уже до 95,1% для всех семей в среднем, то теперь процент «женских» семей с употреблением алкоголя значительно возрос.

Водке понадобилось только 4 года, чтобы почти полностью охватить семьи рабочих и служащих Москвы. Совсем непьющих уже почти нет. Если даже принять во внимание все остальные напитки (самогон, пиво, вино), то количество пьющих семей увеличилось вдвое сравнительно с 1924 г., т. е. с периодом, когда самогон играл еще в городах заметную роль, а водка только начинала еще распространяться.

Одновременно с постепенным увеличением процента семей, охваченных потреблением алкогольных напитков, рос и средний размер потребления на семью.

Если по всем семьям взять все потребление алкогольных напитков (самогон, водка, пиво, вино) в переводе на чистый алкоголь и потребление алкоголя

на одну семью в 1924 г. принять за 100, то получим такой постепенный рост этой средней семейной величины (в процентах):

1924 г.	100
1925 „	300
1926 „	444
1927 „	600
1928 „	800

Иначе сказать, самогон полностью вытеснен из Москвы. Но зато московский рабочий в виде всяких напитков, выпивает теперь в восемь раз больше алкоголя, чем во времена самогона (за 1928 г. процент вычислен по данным только первого полугодия).

Само собой понятно, какое значение имеет для работоспособности и производительности труда увеличение потребления алкоголя во всех видах в 8 раз за 5 лет. Надо заметить при этом, что по сквозным данным МГСПС (обнимающим за все годы те же семьи), количество выпиваемого на одну семью виноградного вина уменьшилось за эти годы на четверть, количество пива на семью возросло почти в пять раз, а количество водки увеличилось еще в гораздо большей пропорции (по сравнению с прежним потреблением водки и самогона вместе).

Правда, повышение работоспособности и рост производительности труда не приостановились у нас и последние два года, когда развитие алкоголизма стало заметнее ощущаться (1927 и 1928 гг.). Вред от увеличения потребления алкоголя перекрывается пользой от улучшения качественного состава остального питания, от уменьшения часов работы, от увеличения укрепляющего здоровье обслуживания населения (социальное страхование, бесплатное лечение физкультура, дома

отдыха, развитие спорта в рабочей среде и т. д.). Но рост производительности труда у нас значительно затормозился против предшествовавших лет, когда алкоголизм в рабочей среде не был еще развит в нынешней степени. Для оценки и проверки этого достаточно сравнить, на какой процент увеличивалась производительность труда на каждый процент прироста реальной заработной платы в последние два-три года более значительного развития алкоголизма и в предшествовавшие два-три года меньшего развития алкоголизма. Оказывается, последние годы увеличение реальной заработной платы дает производству увеличение продукции значительно меньше прежнего: остальное бесплодно пожирается алкоголем. Оно и понятно: как у отдельного человека, так и у состава работающих в целом, если потребление алкоголя достигает определенной величины,—начинает «болеть голова», на производстве иногда «нетвердая рука», тянет к «прогулам» и т. п.

В Москве был сделан однажды опыт полного и внезапного прекращения продажи водки на длительный период. Это было в 1914 г. при начале империалистической войны, незадолго перед 1 августа. Через несколько месяцев Общество фабрикантов и заводчиков произвело обследование, как это отразилось на производительности труда в течение трех месяцев: август—октябрь 1914 г. Обследование охватило 215 тыс. рабочих на 171 предприятии (привожу по книге т. Лемберга о «Киноиндустрии СССР»). Оказалось, что производительность труда на всех предприятиях увеличилась от 15 до 25%. В то же время сильно уменьшилось количество прогулов. За те же три месяца предшествовавшего 1913 г., когда водка продавалась свободно, было прогулено 2 494 тыс. дней. А за август—

октябрь 1914 г., когда водки не было,—только 1 817 тыс. дней, или на 25% меньше. Промышленность в то время не была еще милитаризована, стоимость жизни и уровень заработной платы еще не изменились, самогона еще не было, так что данные эти имеют сравнительно показательное значение.

При советской власти в последнее время опыт прекращения продажи водки в Москве—правда, на короткий срок—произведен был в 1928 г. по случаю годовщины Октябрьской революции 7 ноября (запрещена была продажа на несколько дней). По данным, представленным начальником административного отдела Моссовета т. Лобановым 14 ноября, в итоге этой меры по сравнению с 1927 г., когда она не была проведена,— 1) уменьшилось вдвое количество задержанных пьяных, 2) после дней праздников уменьшилось также вдвое количество прогулов на ряде крупных московских заводов. То же повторилось при запрете водки и пива на несколько дней в начале мая 1929 г. (1 мая и пасха). После разрешения торговли водкой и пивом по воскресеньям (с середины мая 1929 г.) количество задерживаемых пьяных и прогулов опять резко возросло.

Росту алкогольного потребления значительно способствовала практика изменения цен. Вряд ли есть еще отрасль промышленности, где розничные цены снижены за эти годы столь значительно. Как показывают бюджетные обследования МГСПС, розничные цены, по которым потребители фактически покупали алкогольные напитки, уменьшались с 1924 по 1927 г. Уменьшились они по самогону на 60%, по водке и водочным изделиям на 34%, по виноградному вину на 41% и по пиву на 37%. Самогонщики особенно понизили цены на свой товар (до 40 коп. за бутылку), но не могли выдержать конкуренции лучшего вкуса водки. Кстати ска-

зать, в смысле одурманивающего влияния хотя в самогоне меньше чистого алкоголя, чем в таком же количестве водки,—он все же не уступает водке, ибо в нем больше вредных составных частей (сивушное масло), которые с успехом замещают вредную роль «недостающих» градусов чистого алкоголя.

3. Алкоголь в бюджете семьи.

Расход на алкоголь в бюджете московской рабочей семьи далеко превышает расходы на культурные цели. Выше указано, что фактически на семью в среднем приходится в год 65 литров водки, 90 литров пива и 3 литра вина. По средним покупным ценам, указанным в бюджетах последнего года, это дает расход около 178 руб. в год. Средний годовой бюджет московских рабочих и служащих, считая заработок и главы семьи и ее членов, составлял в последний бюджетный год около 1 400 руб. Следовательно средний расход на алкоголь составляет 13,7%, или более восьмой части всего годового бюджета средней семьи московских рабочих и служащих.

При этом надо заметить, что среди рабочих алкоголизм развит гораздо более, чем среди служащих. Так что средние цифры потребления алкоголя московской семьей и средний процент расходов на алкоголь в семейном бюджете, приведенные выше для рабочих и служащих вместе,—для одних рабочих семей должны быть еще заметно выше.

Из рабочих семей, как было уже указано, в 1927 г. расходовали что-либо на алкоголь около 75%. А из семей служащих в том же году—только 40,9%. Если сравнить московских текстильщиков и московских совторгслужащих, то в 1927 г. на семью служа-

щего приходилось лишь 16% того количества водки, какое выпивала семья текстильщика. И лишь 25% того количества пива, какое выпивалось семьей текстильщика. Зато виноградного вина служащий выпивал на одну пятую больше, чем текстильщик. Расход на виноградное вино у рабочих составлял в 1927 г. менее 3% всех их расходов на алкоголь, а у служащих—более 14%. Расходы на удовлетворение потребностей в культуре (газеты, книги, журналы, билеты на лекции, в театры, концерты, кино, выставки и музеи, взносы в клубы и т. д.) у рабочих семей составляют гораздо меньше их расходов на алкоголь, а у служащих—больше.

Сумма всех расходов на алкогольные напитки на семью у рабочих, по данным МГСПС за ноябрь 1927 г., в три с половиной раза больше, чем у служащих, хотя заработок и весь бюджет семей рабочих и служащих по Москве в среднем почти одинаков. Заработок главы семьи для рабочих—105 р. 65 к. в месяц (а весь месячный бюджет семьи в среднем, т.-е. с приработком других ее членов,—125 р. 15 к.), а для служащих—111 р. 03 к. (а весь бюджет семьи—118 р. 75 к.). Наоборот, расход на удовлетворение потребностей в культуре в семьях служащих на 40% выше, чем в семьях рабочих.

Таким образом вопрос об алкоголизме в наших основных районах, в частности в Москве, есть вопрос о пьянстве именно рабочих, а не служащих. Кстати сказать, это вполне подтверждается и данными о социальном составе арестуемых на улице за пьянство, обращающихся в противоалкогольные диспансеры, попадающих на почве алкоголизма в дома для умалишенных и т. д. Такой характер крупногородского алкоголизма предопределяет, что и по этой причине меры

бытового и культурного отвлечения от пьянства должны быть направлены именно в рабочие районы.

4. Культурные развлечения и напитки.

Как увидим, не малую роль в сравнительном развитии алкоголизма играет то обстоятельство, что крупная часть служащих живет в центральных районах, где есть больше возможности расходовать средства на культурные развлечения (средоточие театров, концертов, кино и т. д.). Между тем в рабочих районах таких возможностей гораздо меньше. Алкоголизм—болезнь рабочих. Чтобы ее лечить, надо прежде всего дать рабочим возможность больше расходовать на культурные потребности созданием в рабочих районах соответственных учреждений.

Правда, у нас и вообще-то таких учреждений немного, а существующие нередко поставлены своеобразно. Например по одной Москве летом 1928 г. было до 1 300 всякого рода мест продажи алкогольных напитков, а если не считать уличных киосков—все же около тысячи (по данным адм. отд. Моссовета). Между тем по всему СССР, как сообщает в своей книге т. Дейчман, по данным ЦК профсоюза Нарпит, на 1 октября 1927 г. имелось только 609 чайных. Да и то из них изрядная часть одновременно совершенно легально торговала пивом и т. п. Достаточно упомянуть сообщение т. Дейчмана о последнем обследовании кооперативных столовых на Украине. Оказалось, 83% этих столовых торгуют спиртными напитками, а простая вода для питья имелась только в 78,5%. Легче достать водку и пиво, чем напиться воды—и это в кооперативных столовых целой республики.

Не лучше порядки были и в столовых РСФСР—только последнее полугодие, в связи с начавшей разворачиваться общественной противоалкогольной кампанией, начала несколько выпрямляться эта своеобразная практика.

Опыт, пока небольшой, показывает: достаточно дать возможность рабочему расходовать деньги более разумно—и он с удовольствием это делает. В Иваново-Вознесенске столовая при фабрике-кухне отпускала ежедневно 600 литров пива и 60 литров молока. Были приняты меры к некоторому удешевлению молока—стали продавать по 7 коп. стакан и обеспечили договорами возможность увеличения снабжения столовой молоком при повышении спроса. Пиво не было запрещено: хочешь—пей к обеду пиво, а хочешь—молоко. Прошло сравнительно не очень много времени, и теперь в столовой ежедневно выпивают 600 литров молока и только 60 литров пива. Как раз наоборот прежнему—и совершенно добровольно.

Пиво на добрую половину держится в рабочем быту не своей конкурентоспособностью в сравнениии с молоком и с прохладительными минеральными водами, а просто отсутствием выбора.

Пиво можно достать всюду, и дешево. А нарзан—поди достань, да заплати втридорога! Цена пива нормирована, а за нарзан каждый дерет сколько не лень. Летом 1928 г. за бутылочку нарзана в разных местах Ленинграда я платил от 30 коп. до 50 коп. (последняя цена—50 коп.—в столовой облпрофсовета в Сестрорецке, куда рабочие отправляются на массовые прогулки). Из Луганска работник тамошнего окрпрофсовета т. Аршавский пишет, что там цена нарзана на соседних улицах колеблется на гривенник (24 коп. и т. п.). Между тем данные о сбыте пива в

СССР по месяцам показывают, что в летние месяцы пива пьют в два и два с половиной раза больше, чем в зимние: по отсутствию продажи других напитков «простую физиологическую потребность утолить жажду мы летом удовлетворяем пивом» (из книги т. Дейчмана).

Примерно в таком же положении, как и с нарзаном, находится у нас дело и с культурными развлечениями. Обыкновенный рядовой рабочий пропивает свои деньги не потому, что не хочет итти в кино, а потому, что в кино нет места. Кино всегда переполнены, а их мало. То же относится к концертам и т. п. В Москве много сотен церквей, из которых спокойно можно было бы для начала хоть группу в рабочих районах взять под кино. Эксплоатация кино окупает себя, увеличение их числа задерживается недоступностью расходов на постройку для них новых зданий (сам киноаппарат стоит сравнительно дешево). Использование части церквей, не требующих особых приспособлений для превращения в кино, разрешает задачу.

Теперь, с переходом на 7-часовой день, когда досуг для культурного отдыха увеличивается на 25% и более (статья т. Гаусмана из культотдела ВЦСПС в № 270 «Известий» за 1928 г.), вопрос этот приобретает особую настоятельность. По «бюджету времени рабочего», сведенному т. Струмилиным, бездеятельный досуг у рабочего превышает затрату времени на посещение кино в столицах в 20 раз, в провинции—в 34 раза (1926 г.; привожу по упомянутой книжке т. Лемберга). Между тем в Москве имеется всего около 40 открытых кино, и даже из рабочих клубов Москвы и Московской губ. около 20% еще не кинофицированы (оттуда же). Хотя постоянная киноустановка, при наличии в данной местности электричества, стоит всего около 600 руб. (аппарат со всеми приспособлениями). Любое крупное жил-

товарищество могло бы поставить в свободном подвале такое кино для своих жильцов с почти бесплатным пользованием, не только рабочий клуб. Необходимо только несколько увеличить производство таких киноаппаратов, что вполне в наших руках, ибо производятся они в СССР и расширение производства стоит немного и сразу окупается.

Как у нас в настоящее время обстоит дело с удовлетворением культурных потребностей, видно из таких данных за 1927 г. по тому же бюджетному обследованию МГСПС. За год глава рабочей семьи прочел 305 номеров газет и 38 экземпляров еженедельных и всяких иных журналов и книг (может быть, прочел не полностью, но это было куплено). Кроме того, он посетил за год следующее количество раз:

лекции	0,7
театры и концерты	1,0
кино	7,1
выставки и музеи	0,4
кружки	0,4
клубы	11,7

Итого за год на главу семьи приходится не многим более 20 посещений всяких учреждений для развлечения и поучения. Конечно это безмерно много в сравнении с тем, что было до революции. Но это крайне мало в сравнении с тем, что рабочий мог бы себе позволить, если бы было больше всех этих учреждений и если бы водка и пиво не отвлекали своей дешевизной, наличием и удобством получения. Достаточно сравнить в Москве наличие тысячи мест продажи алкогольных напитков и только 40 открытых кино, чтобы ясно было, куда легче попасть.

При этом последние несколько лет число мест продажи алкогольных напитков росло в Москве очень бы-

стро, а число кино и т. п.—медленно. В итоге в бюджете московского рабочего стал расти абсолютно и относительно расход на алкоголь и стал падать абсолютно и относительно расход на удовлетворение культурных потребностей. Только у семей, в которых нет взрослых мужчин («женские семьи»), наблюдается наряду с ростом расходов на алкоголь еще даже более быстрый рост и абсолютно и относительно расхода на культуру. Московские работницы в отношении расходов на культуру (развлечения, газеты и т. п.) стали быстро догонять московских рабочих именно благодаря тому, что женщины пока меньше охвачены водкой, пивом и вином и меньше пьют на душу. Если взять например одиночек (не имеющих иждивенцев), то доля расходов на алкоголь в бюджете у рабочих-мужчин в семь раз больше, чем у работниц-женщин.

С 1925 по 1927 г. в рабочих семьях, где имеется взрослый мужчина, доходный бюджет семьи повысился на 19% в червонных рублях, расход на алкогольные напитки увеличился на 40% и расход на культурные надобности уменьшился на 12%. Происходит прямое вытеснение расходов на культуру расходами на водку. Весь расход на культурные надобности в 1927 г. составил здесь менее 35 руб. в год на семью. Следовательно примерно в пять раз меньше фактических средних расходов московской семьи на алкогольные напитки. Для сравнения можно добавить, что в бюджете берлинской рабочей семьи, при том же годовом заработке, соотношение почти обратное.

В «женских семьях» с 1925 по 1927 г. годовой доходный бюджет семьи в червонных рублях остался почти стабильным (изменился на 0,1%). Расход на алкоголь увеличился на 24%, а на культурные надобности на 109%—удвоился, достиг почти 26 руб. в год. Если

принять расход на алкоголь и на культуру за каждый год в семьях с взрослым мужчиной за 100%, то по отношению к нему расход в «женской» семье составлял:

	1925 г.	1927 г.
на алкоголь	16%	14%
„ культуру	36 „	84 „

Надо заметить при этом, что годовой заработок мужчин в Москве почти на четверть выше годового заработка женщины. Все эти сопоставления не должны однако создать предрассудка, что московская работница представляет собой неприступный бастион, о который разобьется прибой алкогольных волн без всяких особых мер. Наоборот, действительность показывает, что если первые несколько лет рассматриваемого периода водка все более охватывала преимущественно только мужчин, то теперь, особенно в 1928 г., пробита значительная брешь и среди женщин. Пример и уклад быта мужа, брата, сына слишком влияет, чтобы устоять перед его напором без организованной помощи и поддержки извне семьи.

Традиция, что женщине «не полагается» пить, начинает видимо терять свою силу одинаково среди работниц Москвы, Ленинграда, Костромы и т. д. Везде среди подобранных на улицах пьяных увеличился за последний год процент работниц, сильно увеличивается процент расходующих на алкоголь среди «женских» семей и т. д. Повидимому 1927 г. при стихийном ходе вещей должен быть последним, когда рост расходов на культуру у женщин обгонял еще рост расходов на алкоголь.

Поскольку теперь лишь начинается организованная государственная и общественная борьба против алкоголизма,—пока еще, правда, в очень робких и недоста-

точных размерах,—можно рассчитывать, если эта борьба будет иметь серьезный успех, на восстановление в 1929 г. решительного перевеса в бюджете работницы роста расходов на культуру над расходами на алкоголь.

5. Зависимость от условий жизни.

Анализ размеров алкоголизма рабочих семей при различных размерах заработной платы, при различных условиях быта (в основном—жилище) и при различной степени вовлечения в общественную жизнь и в культурные развлечения,—приводит к совершенно определенным выводам. Первый заключается в том, что рост заработной платы сам по себе не ведет к уменьшению пьянства. Больше того: рост заработной платы ведет к прямому увеличению пьянства, если он не сопровождается улучшением жилищных условий или увеличением вовлечения в общественную жизнь. Наоборот, улучшение жилищных условий или вовлечение в общественную жизнь сопровождается уменьшением алкоголизма даже при том же размере заработка. Итоги бюджетных обследований МГСПС показывают это с полной ясностью.

Возьмем прежде всего расположение всех рабочих семей по количеству на одного едока единиц бюджетного набора, какое обеспечено размером дохода семьи. Они разделены на пять групп, начиная от самой малоимущей (первая—до $1^1/_4$ набора на едока) и кончая наиболее обеспеченной (пятая—более $2^1/_2$ наборов на едока). Если расход на алкогольные напитки в ноябре 1927 г. для низшей—первой—группы принять за 100%, то получим такой ряд: первая—100%, вторая—140%, третья—226%, четвертая—276%, пятая—246%. Чем обеспеченнее на едока рабочая семья—тем

больше абсолютный расход на алкогольные напитки. Иначе сказать, пьют не в меру «плохой жизни», а в меру наличия свободных средств после удовлетворения определенного жизненного минимума. Чтобы уменьшить расход на алкоголь, надо прежде всего увеличить возможность усиления в жизненном минимуме тех его частей, какие идут на спорт, кино, украшение и увеличение удобств жилища и т. п.

Что повышение зарплаты само не является средством против алкоголизма, ясно показывает и другая разработка бюджетных обследований МГСПС—об алкоголизме в зависимости от размеров семьи при том же заработке. Взяты группы с годовым заработком семьи: а) ниже 1 20 руб., б) от 1 200 до 1 800 руб. и в) выше 1 800 руб. Семьи разделены по величине на три группы: а) до $3^1/_2$ чел. б) от $3^1/_2$ до $5^1/_2$ чел., в) более $5^1/_2$ чел. Если расход на алкоголь самой меньшей семьи внутри каждой группы по заработку принять за 100%, то для более многочисленных семей той же группы по заработку получаются следующие абсолютные размеры на алкоголь (в процентах к расходам малой семьи):

Размер семьи	Заработок от 1 200 руб.	Заработок от 1 200—1 800 руб.	Заработок выше 1 800 руб.
До $3^1/_2$ чел.	100	100	100
От $3^1/_2$ до $5^1/_2$ чел.	55	90	86
Более $5^1/_2$ чел.	42	87	85

Больше пьют при том же заработке меньшие семьи. Ясное указание, что границей пьянства служит пока прежде всего возможность мобилизовать для этого средства. Еще более резко показывает это изменение доли расходов на алкоголь в бюджете семьи. При том же

заработке она правильно повышается по мере уменьшения размеров семьи.

Совершенно другое оказывается, когда семья получает возможность улучшить свои жилищные условия, даже без повышения заработка. Тогда сейчас же начинается забота об улучшении обстановки жилища, о покупке лучших кроватей и т. д. и т. д.—и расходы семьи на алкогольные напитки резко понижаются. Бюджетное обследование МГСПС по данным за ноябрь 1927 г. делит по жилой площади все семьи на три группы: 1) имеющие менее 4 квадратных метров на душу, 2) имеющие от 4 до 5 метров, 3) имеющие более 5 метров. Обеспеченность их примерно одинакова. Выраженная в количестве бюджетных наборов (на взрослого) она составляет 1,9 для первой группы, также 1,9 для второй группы и 2,1 для третьей группы. Между тем, если долю расходов на алкоголь в бюджете семьи для первой группы (наиболее тесно живущие) принять за 100%, то в процентах к этой величине доля расходов на алкоголь в бюджете следующих групп оказывается такой:

Площадь на душу	Доля алкоголя в бюджете
до 4 метров	100
от 4 до 5 „	78
выше 5 „	70,5

При том же доходе лучшие жилищные условия, переход в новый кооперативный дом и т. п.—означают уменьшение пьянства. Жизненный минимум повышается, и это повышение отвлекает средства от алкоголя. Оказывается иная, более привлекательная цель для их расходования.

Такое же отвлекающее значение имеет вовлечение в общественную жизнь и создание условий для культурного отдыха. Разработка бюджетных обследований

МГСПС дает такую группировку семей по данным за 1927 г. Рабочие семьи разделены на четыре группы по характеристике главы семьи: 1) партийные, 2) общественно-активные беспартийные, 3) неактивные беспартийные, имеющие возможность пользоваться и пользующиеся учреждениями культурного отдыха, развлечения и поучения, 4) пассивные беспартийные, мало пользующиеся культурными учреждениями по условиям района своего жительства и др. Если взять сумму расходов на алкоголь первой группы (партийцы), определить величину ее на единицу бюджетного набора (на взрослого), приходящуюся в среднем на семью данной группы, и принять эту величину за 100%, то размер такой же величины для остальных групп рабочих семей будет следующим (в процентах):

Партийцы	100
Активные беспартийные	109,7
Пассивные, культурн. беспартийные . .	124
Пассивные, малокультурн. беспартийные	201

Слово «культурные» беру в кавычки, ибо здесь имеется в виду не столько культурность этих людей, сколько посещение ими учреждений культурного отдыха, развлечения и т. п. Надо заметить, что средний заработок (количество бюджетных наборов на взрослого) почти одинаков для первой группы и третьей и совершенно одинаков, для второй и четвертой.

Очевидно, во-первых, явное отвлекающее в общем от алкоголизма значение общественной активности и наличия культурных развлечений. Во-вторых—значение этого даже при одинаковом заработке (сравнение первой группы и третьей, сравнение второй группы и четвертой). Прибавим, что семьи без всякого расхода на алкоголь есть только в первой группе, партийной. Из всех партийных таких совершенно безалкогольных

семей оказалось впрочем немного—только 3,2%. А среди беспартийных не оказалось **ни одной** семьи совершенно свободной от расхода на алкоголь.

Не следует однако думать, что партийные семьи так уже всегда стоят «на высоте положения». Во-первых, само их абсолютное потребление алкоголя в среднем отстает от среднего потребления рабочей семьи примерно только на четверть. Во-вторых, **дважды в году партийцы** повышают свое потребление алкогольных напитков гораздо **более энергичным темпом, чем беспартийные**. Это происходит в **оба месяца религиозных праздников**—апрель (пасха) и декабрь (рождество). В одной из таблиц разработки бюджетных обследований МГСПС за 1927 г. показано, что в каждый из этих «религиозных» месяцев потребление алкоголя больше, чем среднее месячное потребление в остальные месяцы (в переводе всех напитков на чистый алкоголь) на следующее количество процентов:

Группы семей:	Апрель	Декабрь
Партийные	103	106
Активные беспарт. . . .	52	77
Пассивные культурн. . .	53	48
Пассивные малокульт. . .	36	71

Связь праздничного досуга и религиозных традиций с пьянкой вообще известна. Недаром в причастии всем православным христианам выдается вино. Недаром еще в древности культ Христа слился с культом Вакха и подобных божеств других народов. Прямая преемственная линия идет от языческой тризны времен Вещего Олега до поминальной кутьи наших дней. Но неожиданной является приверженность коммунистов к традиции пьянства в религиозные праздники.

ИЗ ПРАКТИКИ ДВИЖЕНИЯ.

1. „Когда рак свистнет“ [1]

(О начавшемся противоалкогольном движении)

Сегодня я хочу написать о *неисчерпанных творческих силах пролетариата*. «Самокритика» последних месяцев раскрыла ряд отвратительных картин разложения некоторых групп партийцев в разных местах страны. Обычно оно начиналось с выпивок, за которыми шло пьянство, потом прибавлялись более или менее откровенные насилия над женщинами, злоупотребление своим положением и т. д. Накопление этих известий пробудило голоса внешнепартийных врагов и внутренних нытиков, готовых объявить эти факты свидетельством общего идейного и морального банкротства ставшего у власти пролетариата и его авангарда.

Через десять лет безраздельного пролетарского господства,—говорят и пишут заграничные и здешние идеологи буржуазии,—советский пролетариат вместо построения новой жизни приходит ко все большему погрязанию в пьянство и разгул, явно служащие признаком разочарования в близкой осуществимости поставленных революцией целей. «У кого больше власти и возможности—тот больше себе позволяет» (*там же*). Вчерашний рядовой революционный рабочий, сегодня силою пролетарской диктатуры ставший у власти на фабрике, в исполкоме, в парторганизации—творя там безобразия,

[1] Напечатано в „Правде“ за май 1928 г.

делает лишь то, что делал бы на его месте и всякий иной рабочий, ибо будто бы «*вообще таким сделался духовный облик развращенных большевизмом русских рабочих*». *Так говорят и пишут наши враги.*

Нам нет нужды доказывать в *общем масштабе* неправильность этого навета на пролетариат и его партию. Достаточно *жить в СССР*, чтобы видеть насколько ростки и начатки хорошего нового перевешивают у нас остатки рабского прошлого и грязные следы влияния буржуазного окружения. Само беспощадное вскрытие, оборудование и искоренение случаев разложения—тоже ведь служит наглядным доказательством, *какой дух преобладает у нас.*

Здесь я хочу указать на другое: на ту волну общественной самодеятельности, какая начинает *снизов* подыматься за последние месяцы навстречу мутному валу алкоголизма. Ведь алкоголизм, пьянство как раз и является чаще всего первым осязательным внешним признаком разложения. На разоблачения последних месяцев рабочие низы *как бы специально отвечают по собственному почину* началом массового движения против алкоголизма.

В данном случае мы не имеем дело с «кампанией» встречающегося иногда типа, когда по заранее данному плановому заданию из центра начинается организационная работа на местах. Здесь, наоборот, скорее происходит довольно запоздалая подготовка центра к оформлению и выработке руководящих начал для начавшегося уже стихийного движения. Никоим образом нельзя возводить в идеал такой своего рода «хвостизм». Центральные и местные организации должны были раскачаться раньше и с самого начала пойти во главе движения, а не занимать приличествующие им позиции

уже только в самом процессе его развития. Но само возникновение движения, ставящего себе столь исключительно трудные задачи и идущего всецело по столбовой дороге советского развития, — служит показателем неисчерпанности творческих сил нашего пролетариата. Есть еще громадные неиспользованные резервы общественной энергии пролетариата, надо только уметь помочь их пробуждению и направлению—вот о чем говорит этот урок.

Мы имеем тут дело с начатками действительного массового пролетарского движения «за чистую жизнь», а не только с отдельными выступлениями нескольких безнадежных оригиналов. Лишь немногим более трех месяцев назад, 16 февраля 1928 г., состоялось в Москве первое открытое небольшое собрание учредившегося Общества борьбы с алкоголизмом (около ста человек), и появилась в газетах заметка об этом. И вот как будто какую-то плотину прорвало. Как будто люди думали, что нельзя организоваться для борьбы с алкоголизмом, раз у нас существует продажа водки. И прочитав, что можно—зашевелились, не ожидая никаких специальных директив и приглашений.

В первый месяц во всей провинциальной печати СССР было зарегистрировано уже около пятисот всяких откликов по вопросам алкоголизма. Второй месяц— почти полторы тысячи. Третий месяц—около трех тысяч. А всего за протекшую четверть года опубликовано в газетах СССР около пяти тысяч проявлений начавшагося движения. Большинство их—это всякого рода заявления и резолюции рабочих собраний и отдельных групп рабочих по вопросам алкоголизма. Главным образом—призывы к самоорганизации, к общественной самодеятельности для борьбы с ним; указание

особо больных сторон вопроса и возможных средств и путей преодоления; бичеванье безучастного отношения ряда профсоюзных, советских и иногда партийных организаций и т. д. и т. п. Словом, перед нами преимущественно первый этап движения—мобилизация общественного мнения. «То шум переклички идет над страной, то слышатся гнева раскаты», как сказано у какого-то поэта.

Местами эта противоалкогольная перекличка начинает переходить уже во вторую стадию—начинает оформляться организация специальных Обществ борьбы за самоосвобождение рабочего класса от алкоголя. Начинают применяться новые формы укрепления своей воли в борьбе с этим бичем, иногда довольно своеобразные. Например, в Иркутске, на заводе «Сибфарфор, рабочие стали заключать между собой группами коллективные договоры—не пить ничего алкогольного по полгода и году. За нарушение—штраф 25 руб. Пока, как передают, результаты хорошие (понижение прогулов, улучшение семейной жизни и т. д.).

В другом месте фабричные комсомолки постановили не целоваться с пьющими парнями. В третьем—в городе Бодайбо на Ленских золотых приисках,—организовали «Верховный районный суд над алкоголем», свидетельские показания на котором ежедневно печатаются в газете «Ленский шахтер». Все показания с точными фамилиями авторов и местом работы, с многозначущими названиями: «почему я ничего не читаю», «как я убил 46 человек, будучи машинистом поезда, «почему я сражался против Красной армии» и пр. В четвертом пункте рабочие и работницы созывают конференцию матерей по борьбе с пьянством и спаиваньем детей.

В Ленинграде, в стенной газете «Красного треугольника» (печатается в 8 тыс. экз.) печатают фотографии «героев по пьяному делу» (с фамилиями и номерами). И так далее—определенно проявляется, нарастает и оформляется настроение общественного осуждения алкоголизма, протест и вызов ему, объявляется пролетарская война водке, пиву и самогону.

Конечно не следует переувеличивать достигнутый уже размах еще только начинающегося движения. Но в некоторых местах оно несомненно начинает отражаться уже на общем сознании пролетарской массы, знаменует перелом взглядов в целом, начинает господствовать в настроении заметных кругов, входит в быт. Вот характерная выписка из итогов, подведенных редакцией «Ленского шахтера» после нескольких недель ежедневной кампании:

«Процесс над алкоголем, ведущийся на страницах «Ленского шахтера», вырос в мощную антиалкогольную кампанию, перехлестнувшую пьяный быт рабочих нашего района. Поистине нельзя было даже ожидать, даже предполагать такого великого порыва изменить, переделать старый быт и старую жизнь, какой демонстрируется проводимой кампанией».

«Мы действительно иногда не дооцениваем наших достижений, мы действительно часто преувеличиваем трудности, стоящие перед нами».

«Суд над алкоголем превратился в широкую демонстрацию рабочих масс нашего района, проходящую под лозунгом «за культуру».

«И эта могучая демонстрация рабочих масс разворачивается, несмотря на мертвецкую спячку почти всех низовых культработников и культотдела райкома союза горняков... не встречая поддержки низовых

партийных и профсоюзных организаций, несмотря на гнусные смешки и подхихикивания некоторых партийцев, предпочитающих играть роль «сторонних зрителей» и отходящих «на тротуар» перед почти стихийной культурной демонстрацией наших рабочих».

В этих строках хорошо подчеркнуты встречающиеся местами своеобразные «алкогольные ножницы» в отношении к противоалкогольной борьбе, с одной стороны, некоторых местных органов, с другой—вливающихся в движение рядовых рабочих, прямолинейно и твердо подымающих «бунт против водки». Это наблюдается не только в отдаленном Бодайбо. У нас в Москве недавно напечатано в «Труде», что президиум МГСПС постановил как юридическое лицо вступить в Общество борьбы с алкоголизмом. Очень хорошо, как будто. Но вот в том же «Труде» 10 апреля 1928 г. напечатано, что тот же МГСПС отказал Статистическому Управлению РСФСР в содействии по обследованию алкоголизма среди рабочих Москвы. Это обследование проводится в Ленинграде, Туле и других крупных центрах, при полном содействии Губпрофсовета. А вот в Москве нехватило понимания важности вопроса, не оказалось достаточно культурного подхода и даже просто внутренней увязки, чтобы демонстративно вступая в Общество борьбы с алкоголизмом по крайней мере не мешать попыткам ЦСУ точнее выяснить обстановку развития этого зла и облегчить таким путем борьбу с ним. Из моря нелепых и ненужных анкет МГСПС не нашел выбрать для атаки ничего иного, как ни для кого не обязательное, совершенно добровольное для участников, обследование алкоголизма. Мелкий факт, но характерный. Если тут не линия, а оплошность—надо исправить.

Трудности нового движения громадны. Победы над бытом достигаются вообще нелегко. А намерение вывести из рабочего и крестьянского быта водку, пиво и самогон кажется многим совсем несуразным, невероятным, смешным по своей невыполнимости. Как ж, мол, не знает, что с незапамятных времен «Руси есть веселие пити»? Чрезвычайно характерный ответ на вопрос о борьбе с алкоголизмом дал в «Ленском шахтере» заведующий бодайбинским отделением Центроспирта Кадников.

Вот этот ответ во всей неприкосновенности, как он там напечатан:

«Вы играйте в бирюльки, а мы будем водкой торговать.

И перестанем ею торговать тогда только, когда рак свистнет.»

В этих словах выражено подлинное отношение к делу многих и многих работников. Они оторвались от живого соприкосновения с рабочей массой, не дооценивают заложенные в ней возможности, не верят на деле в неисчерпанные общественные ресурсы пролетариата и классовую нашу линию в этом деле считают потому лишь показной мишурой, «болтовней для приличия». Словом—типичная психология обюрократившегося оппортуниста из германских социал-демократов, искренне убежденного, что «программа» это только для одураченья и ловли приверженцев среди рабочих, а на деле надо поступать «совсем наоборот». Отношением к борьбе с алкоголизмом можно измерять захватило ли бюрократическое перерождение того или иного работника.

Большевизм испытывает своих бойцов всегда на самом трудном пункте. Легко было бы слыть в СССР истинным большевиком, если бы для этого требовалось только ругать иностранных империалистов и т. п. Нет,

ты вот брось с алкоголизмом, возьми себя в руки и подай личный пример,—если это бедствие начинает захлестывать хотя бы некоторые участки наших рядов. Пойди и активно выступай в своем цеху относительно антисемитизма, вооружившись соответственными сведениями,—если белогвардейщина начинает усиленно маневрировать этим оружием и если оно встречает некоторое сочувствие у только еще недавно влившихся в пролетариат полутемных выходцев из деревни и городского мещанства.

И так далее.

Трудная, но благодарная задача. Переход от разговоров о культурной революции к воплощению куска этой культурной революции в жизнь. Развитие массового противоалкогольного движения должно дать сильный толчок умножению спортивных площадок, безалкогольных чайных, новых кино с культурным содержанием, удешевлению театров, распространению газеты и книги, увеличению участия в общественной жизни женщин и т. д. Одним словом, есть ради чего поработать—речь идет о самоосвобождении рабочего класса от остатков традиций рабского и буржуазного времени во всем строе пролетарской жизни.

В этом прежде всего и заключается классовое значение нового движения в наших условиях—оно является признаком и орудием постепенно растущего собственного социалистического перевоспитания трудящихся.

В этом деле первая задача—сломить, окружить осуждением и насмешкой отношение к делу тех недостаточно культурных или начавших перерождаться товарищей, которые бравируют своим равнодушием или ироническим отношением к противоалкогольной работе. Выше упо-

миналось о храбром Кадникове, бросившем лозунг «когда рак свистнет». В ответ в этом же «Ленском шахтере» стали появляться весьма энергичные заявления, например такое:

«Мы считаем, что поведение Кадникова представляет собой один из самых безобразных, самых вредных, самых разгильдяйских примеров бюрократизма... Штрейкбрехерство высшей марки... Рабочие Бодайбинского района сплоченными рядами пойдут в атаку на своего векового врага—водку. Рак свистнет! Мы его заставим свистеть!»

Или вот другой отрывок:

«По Кадникову выходит, что мы вообще не намерены прекращать торговлю водкой. По Кадникову выходит, что партия, ведя антиалкогольную кампанию, занимается душеспасительной беседой, а на самом деле вовсе не намерена свертывать водочную торговлю. Никогда наша партия не занималась душеспасительными беседами. Никогда наша партия не занималась, не занимается и не будет заниматься обманом рабочих... Рак свистнет!»

И рак действительно свистнул: после нескольких дней этого напора в том же «Ленском шахтере» появилось сообщение, что храбрый и откровенный Кадников снят с работы. Без сомнения много еще Кадниковых осталось по всему лицу СССР, может быть менее откровенных. Молодые Общества борьбы с алкоголизмом всюду должны равняться по бодайбинским пролетариям, показавшим знание «где раки зимуют» и сумевшим заставить« свистеть» вместо рака самого Кадникова.

От мобилизации общественного мнения к оформлению собирающихся сил в Общества борьбы с алкоголизмом перешли уже в Москве (около ста ячеек, в них около трех тысяч рабочих, сделавших членские взно-

сы), в Ленинграде, в Иваново-Вознесенске, в Баку, в Павлове Нижегородской губ., в Орехово-Зуеве, в Егорьевске, в Ульяновске, в Одессе, в Соликамском районе Урала (В. Вильва), в Туле и т. д. Через полгода предположен Всесоюзный съезд общества борьбы с алкоголизмом, в скором времени начинает выходить в Москве популярный журнал по обобщению опыта нового движения и взаимной поддержке.

Интересно отметить первые отклики противоалкогольного движения в деревне. Они выражаются пока чаще всего в отмене сельскими сходами местных «пьяных праздников».

Вот несколько типичных примеров только из двух номеров выходящей в городе Луге «Крестьянской правды».

> «Подсчитали ученики Гостягинской школы, что Егорий обходится деревне Гостятино, Осьминского района, ежегодно в полторы тысячи рублей (на пьянку). Результаты подсчета ученики рассказали на общем сходе. Жаль стало гражданам этой полторы тысячи рублей.
>
> И постановили они больше не праздновать Егория».
>
> «Задумались крестьяне деревень Озерово, Заполье, Кобылка и Велеши, Батецкого района, когда им растолковали вред «пьяных» праздников. А подумавши, решили сократить Троицу. Деревня Велеши заодно скостила и летнего Варламия. С лиц, нарушающих постановление, решено взыскивать штраф в 5 руб. в пользу комитета взаимопомощи. Деревни Горка и Замощье, Батецкого района, также решили впредь Варламия не праздновать» (там же).

«Поняв, что пьяные праздники являются рассадниками хулиганства деревня Малый Латовец, Батецкого района, постановила не праздновать Богородицу. И без нее расходов много. С тех, кто будет праздновать, постановлено брать штраф. Гостям в этот праздник не приходить» (там же).

«И осеннего и весеннего Николу сократили граждане деревни Борея, Плюсского района. Все 31 домохозяин единогласно постановили не праздновать эти пьяные дни. А тех, кто всетаки будет праздновать, решено штрафовать десятью рублями. Крестьяне деревни Большой Волок, Батецкого района, постановили больше не праздновать весеннего Николу» (там же).

Все это только из двух номеров крестьянской газеты одного района.

Вообще же таких постановлений за последние месяцы набрались уже целые сотни. Здесь противоалкогольная проповедь естественно сливается с противорелигиозной—против одурманиванья в обоих видах сразу. Ведь речь идет обычно ни о чем ином, как об отмене местных престольных праздников, уходящих своими корнями, пожалуй, еще в дохристианскую древность. Престольные дни—главные потребители самогона и водки. Вот где поприще для наших безбожников, чтобы больше соприкоснуться с действительной жизнью, чтобы связать отвлеченную пропаганду с дальнейшим общественным оздоровлением деревни, чтобы крестьянин на своем кармане почувствовал выгодность нового быта и упразднения богов.

Конечно, мы стоим еще в самом начале движения. Оно еще ничтожно сравнительно с требующимися размерами.

Предстоит преодолеть еще море косности, безволия, неверия, разложения, милых разговорцев о «раках».

Как характерна например каррикатура в недавнем «Крокодиле», направленная не против алкоголизма, а против борьбы с алкоголизмом (Буденный на коне мчится на зеленого змия). Как характерна судьба противоалкогольного грузовика в первомайском шествии в Москве. На нем стояла громадная бутылка водки из нее вылезал зеленый змий, тянувшийся к фигуре рабочего, стремившийся охватить ее кольцом. По бокам—изречения из Ленина. По сообщениям газет, противоалкогольный грузовик имел особый успех у рабочих, привлекая общее внимание и вызывал серьезное обсуждение. И вдруг уже после 12 часов дня он исчез: какое-то мудрое начальство распорядилось снять и бутылку, и зеленого змия, и рабочего, и изречения из Ленина—а самый грузовик, именно этот из всей процессии, вдруг понадобился, как сообщают, «для посылки за плакатами».

Это символическое происшествие с исчезновением противоалкогольного грузовика, конечно, больше не повторится. Противоалкогольные грузовики, повозки, телеги смогут впредь свободно разъезжать по СССР. Но факт все же был. Надо полагать, опять кто-либо надеялся, что «рак не свистнет».

Рак свистнул. Мы обучаем это талантливое животное свистать на всем расстоянии от Бодайбо до Москвы. И обучим. Порукой тому—неисчерпанные творческие силы пролетариата—молодая энергия подымающегося класса.

15 мая 1928 г.

---

2. Советские перехват-залихватские и борьба с алкоголизмом [1]

Самый острый и язвительный из сатириков царского времени Салтыков-Щедрин к сожалению не имеет равного по силе продолжателя в наши дни. Современная сатира по большей части робка и слаба и пробавляется преимущественн дешевеньким товаром. Не звучит еще в ней та гневная страсть, которая неизгладимым клеймом ложится на явление и превращает выдвинутый тип в нарицательное имя.

Пробел восполняет пока сама жизнь. Она наяву подносит так называемые «бюрократические анекдоты»—такие фактические происшествия, какие способны заткнуть за пояс иную из щедринских сатир.

Излюбленной темой Салтыкова-Щедрина было образное живописанье тогдашнего бюрократизма. Его градоправители то угрюмо бурчат, то впадают в «административный восторг»—особое состояние начальственного духа, нечто в роде смеси из нескольких поговорок: «своя рука владыка», «раззудись плечо, размахнись рука» и т. п. Перехват-Залихватский—фамилия одного из таких щедринских градоправителей—отличился тем, что «въехал на белом коне и упразднил науки».

Другой, по прозванию Органчик, знал только одно слово: «не потерплю».

В наши дни, если даже попадаются залихватски бурчащие на «науки» градоправители, то—за редчайшим исключением какого-либо Ибраимова—они ездят исключительно на красных конях. А за неимением таковых хотя бы пишут красными чернилами свое само-

[1] Напечатано в „Правде“ за август 1928 г.

дурское «не потерплю» там, где в пролетарской стране партийная линия, наоборот, призывает к величайшему содействию.

Недавно совсем началась организованная общественная борьба с алкоголизмом, вернее—только еще начинается. Притом начинается при общем активном сочувствии руководящих центров государства: тут и постановление ЦК партии, и циркулярное письмо ВЦСПС, и обращение ко всем своим организациям ЦК Комсомола, и денежная поддержка пропагандистской работе со стороны Президиума ЦИК СССР, и начатая уже в Совнаркоме проработка специального закона по вопросам алкоголизма, и даже согласие Центроспирта для начала уменьшить с 1928/29 г. количество продаваемой в промышленных районах водки и т. д. Словом, со стороны всех центральных органов определенная поддержка в той или иной мере. Энергично взялись за дело и в ряде мест. Но кое-где кое у кого берет верх «административный восторг» или просто проявляется отсутствие определенной линии.

1. Коммерция Бакинского Совета.

Бакинский совет всей душой сочувствует борьбе с водкой Центроспирта и с виноградными винами Армении и иными. Когда рабочая газета «Вышка» подняла кампанию против алкоголизма. Бакинский совет запретил винную торговлю в районе вокзалов электрички и желдороги, т. е. в местах постоянного скопления рабочих.

Но Бакинский совет—не только орган пролетарского управления, в качестве такого поддерживающий борьбу против алкоголизма. Бакинский совет пожелал выступить еще в роли владельца коммерческих предприятий, использующих «несчастье» конкурента. На закрытие

чужой винной торговли можно посмотреть ведь и как на средство развития собственной торговли пивом.

Принадлежащий Баксовету трест Баксельпромторг решил занять пустующее место и с надлежащего разрешения открыл пивную напротив Сабунчинского вокзала.

Другая пивная открылась на Балаханской улице, наискось от вокзала электрички. Третья пивная открылась вблизи вокзала Закавказской дороги. Разрешение на открытие новых пивных давалось и Баксельпромторгу, и частникам (тоже небезвыгодно для местного бюджета?).

Пивная с музыкой представляет еще больший соблазн, чем простая винная лавка. Новая пивная с музыкой у остановок трамвая №№ 3, 4, 5 и 8 быстро стала центром всякого хулиганства и т. д., как и другие. В газету «Вышка» стало поступать много заявлений рабочих и особенно их жен, недоумевавших, почему Баксовет, запрещая винные лавки без музыки, разрешил вместо них открывать кабаки еще более привлекательные—пивные с музыкой. Если раньше рабочий покупал некоторое количество алкоголя и с ним и с остальной получкой приходил домой, то «в пивных с музыкой мужья будут сидеть крепко и ни денег, ни их самих дома не увидишь» (из жалоб женщин в бакинской газете).

Тогда редакция той же «Вышки» 13 мая 1928 г. напечатала небольшое письмо. Похвалив Баксовет за запрещение винной торговли, письмо ставило вопрос: «Но зачем другой рукой тот же Баксовет насаждает еще худшего вида кабаки—пивные с музыкой, насаждает их возле самых вокзалов?.. Надо немедленно закрыть все пивные в районе обоих вокзалов... Просим вас т. Конушкин как председателя Баксовета, поставить на-

ше предложение на обсуждение президиума Баксовета» (№ 59 «Вышки»).

Тов. Конушкин поставил вопрос, только несколько иной—о закрытии рта «Вышке». И 31 июня 1928 г. воспоследовало следующее постановление Бакинского комитета: «Письмо, ипубликованное в «Вышке» за подписью редакции на имя председателя Баксовета, смысл которого заключается в том, что Баксовет будто насаждает кабаки и т. п., считать недопустимым и нетактичным, что и указать редакции газеты «Вышка», в частности т. Бархашеву» (редактору «Вышки»).

Отсюда нравоучение всем «самокритикам»: суди, дружок, не выше сапога—по крайней мере в Баку. Пусть тысячи рабочих подымают вопрос, пусть ЦК издает воззвания о внимании к деловой критике—на Баку это не распространяется. Если кабак назовешь кабаком, если попросишь не насаждать новых вместо закрытых старых—заткнут нетактичный рот.

Было бы поучительно, если бы Бакинский комитет опубликовал свое мнение по таким пунктам:

1) Почему следует закрывать не пивные—кабаки с музыкой у вокзалов, а рот тем, кто просит об их упразднении? Ведь компрометирует не название кабака кабаком, а репрессии против поднимающих вопрос о них;

2) Почему в постановлении Бакинского комитета тактично сказано «будто»—про несомненно состоявшееся открытие пивного кабака органом Баксовета с надлежащего разрешения у того вокзала, у которого перед тем закрыты винные магазины? Ведь замазывание действительности в резолюции не поможет, если кабак стоит у вокзала на деле.

3) Почему надо считать «недопустимым» письмо рабочих в газете к местному совету с просьбой об устранении замеченного недостатка, раз эта просьба не только

не имеет в себе ничего контрреволюционного, но даже идет навстречу усилиям партии по культурному оздоровлению рабочего быта?

Ведь это при царе Иване Грозном просьбы считались «допустимыми» только на коленях или лежа животом на земле.

Пивную коммерцию Баксельпромторга вместо закрытых по требованию рабочих винных магазинов не следовало разрешать—это, во-первых. А разрешивши, не надо было становиться на дыбы против просьб о пересмотре и называнья вещей своими именами—это, во-вторых. А уже раз ставши на дыбы, не надо на такой своей ошибке настаивать и надо ее скорей поправить—это, в-третьих.

Ибо недалеко мы уедем в развитии массовой здоровой пролетарской самодеятельности, если в ответ на голос тысяч рабочих в газете будем обрушиваться репрессиями на газету, вместо устранения могущих быть устраненными поводов для этих заявлений [1].

2. Парк культуры и выпивка.

Во всесоюзной столице Москве учреждается образцовый Парк культуры. Казалось бы и мысли не может быть, чтобы обратить его в рассадник алкоголизма, в злачное место пьяных кампаний. Но такие мысли оказались в наличности. На совещании в Культотделе МГСПС заведующий парком т. Лебедев в июне 1928 г. информировал по вопросу о предположениях относительно продажи в Парке алкогольных напитков. Член пре-

---

[1] После появления этой статьи в «Правде» Баксовет сообщил, что он закрыл эти пивные. Что же касается выявленного при этом отношения тогдашнего руководства Бакинского комитета к самокритике—оно обнаружилось еще более в 1929 г и повело к постановлению ЦК партии об изменении руководства парторганизацией в Баку (прим. 1929 г.).

зидиума Моссовета, бывший до последних дней его секретарем, т. Гордеев в июле сообщил делегату замоскворецких рабочих, что протест против продажи в Парке крепких напитков не имеет достаточных оснований, и он, т. Гордеев, остается при мнении о разрешении продажи там пива и вина.

Наконец трест Моссельпром тогда же сообщил, что он ставит в Парке культуры двенадцать пивных киосков.

Трест Моссельпром вообще отличается. В нескольких десятках городов этим летом начали проводить ограничение продажи пива. Как сообщили газеты, в Ленинграде совет предписал на несколько сот тысяч литров уменьшить производственную программу местных пивоваренных заводов и зато увеличить производство безалкогольных прохладительных напитков. А здесь Моссельпром, наоборот, как раз летом 1928 г. покрыл Москву сетью киосков со впервые введенной продажей пива стаканами. Партия только что дала сигнал к борьбе против алкоголизма в рабочей среде. Московский пролетариат 1 мая шел в демонстрации с соответственными опубликованными ЦК ВКП(б) лозунгами. И затем Моссельпром ответил на все это «нововведением»: продажа стаканами из специальных киосков для наибольшего распространения питья. Это ведь «дело», а то—просто какие-то «сигналы и лозунги». Почему бы Моссельпрому вместо того по Ленинградскому примеру не развить больше другие производства за счет сокращения пива? Почему бы МКК—МРКИ не поинтересоваться степенью соответствия производственных и торговых программ Моссельпрома той линии, которая теперь принята?

Но вернемся к Парку. Известие о предполагаемой продаже там алкогольных напитков вызвало большое недоумение среди широких кругов рабочих: неужто даже здесь рабочей семье не может быть обеспечено место трезвого отдыха? Неужто пивной кабак должен считаться обязательным спутником культуры, ежели эта культура организуется для рабочих?

В течение очень короткого времени поступило большое количество заявлений рабочих разных заводов, покрытых массою подписей. У каждой подписи указан № рабочей книжки, все подписи заверены соответственными завкомами и их печатями. Во всех заявлениях рабочие, как избиратели Московского совета требуют воспрещения пива и других алкогольных напитков в Парке культуры и отдыха. В короткий срок через наши руки прошли такие заявления с 14 050 подписями (из них около 7 тыс. по одному Замоскворечью). Кроме того, без подписей, но в результате обсуждения вопроса среди рабочих масс, с такими же письменными заявлениями от имени рабочих своих заводов обратился ряд завкомов московских предприятий, как заводы «Амо», «Динамо» и др. Сверх этого, поступил еще ряд резолюций различных рабочих собраний на ту же тему («общее собрание считает недопустимым продажу спиртных напитков в Парке культуры, так как иначе Парк культуры превратится в пивную»—постановление общего собрания 700 чел. электро-механического завода № 1 треста точной механики от 18 июля, подобное же постановление общего собрания 1 200 чел. сокольнического трампарка и многие другие).

В общем, несмотря на короткий срок, успело высказаться несколько десятков тысяч рабочих,

что вместе с семьями дает во всяком случае уже не менее ста тысяч возможных посетителей, желающих иметь трезвый Парк культуры. Мы много говорим об оживлении советов: вот пример оживления пролетарской самодеятельности вокруг советов. Вот доказательство развития чувства ответственности в рабочей среде за строительство нового быта и за работу своих избранников в совете.

Как ответил президиум Моссовета на это движение, на эти первые в Москве ростки здорового пролетарского отпора мутной волне алкоголизма? К сожалению, президиум Моссовета занял половинчатую, колеблющуюся позицию. Достаточно плохо уже, что вообще допущена была мысль о возможности продажи в Парке алкогольных напитков и превращения этим Парка культуры в очаг выпивки (и тем самым хулиганства и т. д.). Моссовет должен был сам первый дать отпор всяким поползновениям в эту сторону, раз он начинает в столице показательное культурное дело, по которому будут равняться все рабочие центры провинций. Если этого не было сделано с самого начала, то надо было занять определенную позицию, хотя бы когда вопрос с низов подняла масса рабочих избирателей. Не должен Моссовет по культурности подхода отставать от десятков тысяч своих рабочих избирателей.

Между тем, накануне открытия доступа в Парк, 11 августа 1928 г. в газетах появилось следующее сообщение о решении президиума Моссовета:

«Ввиду высказанных рабочими пожеланий о недопущении продажи в Парке пива и различных алкогольных

напитков,—пока, до окончательного разрешения вопроса, эти напитки в Парке продаваться не будут».

Конечно это лучше, чем ничего. Хоть «пока» не будут. Да и то—«ввиду высказанных рабочими пожеланий». От совета столицы можно было бы ожидать другого обоснования: «ввиду несовместимости культуры и водки, культуры и стремления к более широкому внедрению пива в массы». Когда началось общественное движение против дальнейшего расширения потребления алкогольных напитков, когда комиссия Совнаркома уже высказалась за желательность стабилизации и сокращения производства и продажи пива,—Московский совет мог бы не колебаться хотя бы по вопросу о Парке культуры.

Москва серьезно отстала от ряда городов в деле борьбы с алкоголизмом. Между тем, он развит здесь среди рабочих отнюдь не меньше, чем в других местах. Мы надеемся, что в результате изучения вопроса для «окончательного разрешения вопроса» о Парке,—президиум Московского совета примется за проведение и общих мер по алкоголизму, как пересмотр существующей сети продажи алкогольных напитков, в сторону значительного сжатия ее в рабочих районах, увеличения расходов на меры культурно-бытового отвлечения от алкоголизма и на медицинскую борьбу с ними и т. д. [1].

13 августа 1928 г.

---

[1] Вопрос оставался в том же положении («пока») до 29 января 1929 г., когда Совнарком РСФСР по просьбе Общества борьбы с алкоголизмом запретил продажу водки и водочных изделий, виноградного вина и пива во всех общественных садах, парках и т. д. (примеч. 1929 г.).

3. Профсоюзы и алкоголизм.[1]

Формы общественного влияния в целях уменьшения алкоголизма разнообразны, как сама жизнь. Общественное воздействие лежит в самой основе борьбы: без внутренней воспитательной работы общества не достигнут полной цели даже самые строгие законы.

Три основных направления имеются в общественном воздействии на алкоголизм, как оно сложилось пока у нас за последние месяцы.

Первая и основная задача—работа над изменением отношения к выпивкам в рабочей среде, особенно среди молодежи. Сплошь и рядом, кто не выпивает,—считается не особенно хорошим товарищем, не компанейским человеком. Говорят: «валяться пьяным плохо, но как же не выпить»,—не отдавая себе отчета, что из одного неизбежно вырастает другое. Бывает, молодой рабочий, чтоб доказать свой хороший заработок «могу себе позволить»—притворяется даже более выпившим, чем взаправду. «Можно пить и быть вполне хорошим рабочим, партийцем, гражданином»—вот мысль, которая является главным врагом.

Надо создать в рабочей среде настроение нетерпимости к выпивкам и к вытекающему из них потом систематическому пьянству. Чтобы занятие выпивкой не считалось не только молодечеством, но и просто частным, личным делом отдельного человека. Надо, чтобы выпивок стеснялись и стыдились, как сифилиса, как занятия онанизмом. Чтобы на пьяницу смотрели, как на безвольного изменника рабочему делу. Чтобы он сам стремился избавиться, излечиться от этого наследия дикости, угнетения, некультурности.

---

[1] Напечатано в «Труде» за август 1928 г.

Создание на предприятиях ячеек для усиления работы против алкоголизма. Кружки молодежи, особенно женской, заявляющие о нежелании вести знакомство с теми, кто не отстанет от выпивки (как в Ленинграде на заводе «Красный Выборжец» и других). Договоры между взрослыми рабочими о полном прекращении питья на полгода, на год под угрозой штрафа в пользу беспризорных и безработных (как на Иркутском форфоровом заводе и других). Усердное использование стенных газет для воздействия на пьющих, непьющих и равнодушных—до изображения результатов семейной и личной жизни у пьющих включительно. Показательные суды в цеху, в клубе, стремление вызвать соревнование с другими предприятиями в культурном успехе по борьбе с алкоголизмом, вступление для этого в связь со специальным журналом Общества борьбы с алкоголизмом «Трезвость и культура» (Москва, Газетный пер. д. 12, тел. 4-44-99). Популяризация сведений о достигнутых успехах, о возможности избавления от бедствия, о действительном положительном отношении советской власти к борьбе против алкоголизма. Все это и многое другое должно быть двинуто в ход для первой основной задачи всей кампании: для изменения отношения к алкоголизму, для создания нетерпимости к нему.

Первая линия общественной работы более агитационная—организует настроение и создает тем предпосылку для всего дальнейшего. Вторая линия более пропагандистская—ее задача убедить в значительности вреда, вооружить людей такими сведениями и соображениями, при которых они не могли бы более пассивно относиться к вопросам алкоголизма.

Общественный вред алкоголизма. Разложение проле-

тарской психологии. Загнивание выборных лиц и учреждений. Гнойники, растраты, насилия, злоупотребления. Потери народного хозяйства—больше, чем обходится вся Красная армия. Потеря производительности труда. Десятая часть мужчин рабочих доходит до задержки в пьяном виде на улицах. Уменьшение реальной заработной платы. Ухудшение материальных условий семьи. Избиение жен, спаиванье детей. Грубость, драки, увечья, прогулы. Сведение вновь женщины к рабскому состоянию, озверение. Сокращение средней продлительности жизни у выпивающих на десять, у пьянствующих на двадцать лет, заболеваемость, слабость потомства, вымиранье большей половины детей у пьющих до совершеннолетия, потери семьи и государства на их содержании, обучения. И так далее—все это должно служить оружием убеждения.

Доклады санитарных врачей, доклады общественных работников, противоалкогольные уголки на предприятиях, в клубах и общежитиях, коллекция диаграмм и плакатов (Наркомздрав издал в августе 1928 г. коллекцию по алкоголизму в 35 стенных красочных плакатов, ценою в 12 руб.), подвижные выставки, кинофильмы с пояснениями, специальный общественно-пропагандистский журнал «Трезвость и культура», курсы для рабочих агитаторов по алкоголизму (есть уже в Москве, в Ленинграде), пропагандистские грузовики, обязательное преподавание против алкоголизма в школах политграмоты, на профкурсах и т. п. — вот главные пути и средства для разворачивания работы, для общественного влияния на алкоголизм по второй линии, по линии внедрения ясного убеждения в его не только личном, но и общественном вреде. Пьющий приносит вред не только себе но и всем нам, ослабляет

все советское государство в целом — это должно стать ясным каждому.

Наконец третье основное направление общественного влияния на алкоголизм — это воздействие на практику жизни. Сюда относится почин в проведении местного запрета: установление, в каких кооперативах, столовых, киосках, лавках Центроспирта, пивных продажа алкогольных напитков должна быть прекращена раньше всего (близость к предприятию, к культурным центрам и т. п.); агитация среди рабочих и в печати за постановление о закрытии продажи в этих заведениях; проведение этого постановления через Совет.

Сюда относится, далее, решительная борьба за изгнание пива, водки, вина из всей общественной жизни рабочих: из клубов, садов, прогулок, празднеств,, именин, свадеб, похорон и т. д. Настойчивый почин в развитии культурно-бытового отвлечения от алкоголизма: спортивные площадки, безалкогольные семейные и танцовальные вечера, чайные с эстрадой и музыкой, устранение наживы из организации всех видов спорта, увеличение затрат на культурные кино и т. д.

Сюда относится затем общественное воздействие на местные советы для увеличения затрат на лечение пьющих (противоалкогольные диспансеры, больницы и медицинские вытрезвители). Нельзя подымать кампанию против пьянства и ограничиваться гонением на пьющих—надо дать им возможность превратиться в людей.

Сюда относится наконец решительное общественное выступление против всяких вредителей борьбы с алкоголизмом. Ловить по домам и на улице шинкарей и передавать их милиции, изоб-

личать случаи пассивности самой милиции, клеймить всякого советского работника, который ставит палки в колеса борьбы с алкоголизмом или смеется над ней — все это совершенно обязательные, необходимые и весьма полезные составные части дела.

Великое дело самоосвобождения рабочего класса от пьяного наследия веков угнетения и рабства—не может осуществиться без трений, без конфликтов, без споров. Ведь тут против подымаются века истории, которые должны опрокинуть. И опрокинем. Но опрокинем конечно не ласковым писком пай-мальчиков, не чиновничьим угадыванием, чего хочет то или иное местное начальство,—а резкой и твердой пролетарской энергией и решительностью.

14 августа 1928 г.

4. Работница и пьянство[1].

Алкоголизмом называется употребление водки, самогона, пива, вина. Женщина страдает от алкоголизма втройне: 1) от пьянства мужа или других мужчин своей семьи, 2) иногда от собственного пьянства, 3) бывает, и от пьянства детей.

Среди мужчин пьянство развито особенно сильно. За последний год (1927 г.) в Ленинграде поднято на улице в пьяном виде и доставлено в милицию 113 тысяч человек. В Москве—больше ста тысяч. Другие города тоже не зевают. А в деревнях в очень многих семьях пьянство — каждый праздник, как какое-то правило.

Пьяные мужья, во-первых, зверски колотят своих жен, дочерей, сестер. Во-вторых, разоряют свои семьи

---

[1] Напечатано в журнале «Делегатка» за июнь 1928 г.

или лишают их возможности купить нужную одежду, обувь, пищу. В-третьих, превращают женщину в рабыню, удерживают от участия в общественной жизни. В апреле 1928 г. Отдел работниц ЦК собрал совещание текстильщиц—делегаток происходившего в то время съезда текстилей. По словам отчета — каждая из выступавших на этом совещании работниц говорила о том, что пьяные мужья постоянно избивают своих жен, мешают им участвовать в общественной работе». В Ленинграде на собраниях партактива коммунистки заявляли: «нет житья от мужей-коммунистов, которые бьют беспартийных жен-общественниц»; нет житья коммунисткам, которых бьют мужья беспартийные» и т. д. Подобных заявлений множество.

Сами работницы и крестьянки тоже иногда начинают пить. Крестьянки больше по праздникам. Работницы более равномерно. На это жалуются из Костромы, из Ленинграда, вообще из тех мест, где на заводах много женщин. Даже на женский день 8 марта отдельные работницы приходят выпивши и приносят с собой водку. Это наблюдалось в 1928 г. на «Треугольнике» (резиновое производство), на «Скороходе» (обувное производство), в Яхроме (текстильная фабрика) и на многих других предприятиях по разным местам СССР. Правда, из женщин пьют меньше и реже, чем из мужчин. Но все же это зло начинает распространяться, и к нему прибавляются еще на почве пьянки беспорядочные связи с разными мужчинами, болезни, насилия и т. д., словом— разложение.

Детей спаивают, приучают пить сами же выпивающие родители, знакомые. Потом втягиваются во вкус, приучают своих сверстников. По опросу детей московских школ в возрасте от 12 до 15 лет уже около одной десятой

части случалось выпить допьяна или почти допьяна. Еще больше приучаются с этих лет пить понемногу, все более часто, чтобы подросши начать глушить пиво, самогон и водку во всю.

Что может и должна делать коммунистка или делегатка и вообще женщина — работница и крестьянка (и служащая) для борьбы с этим бедствием?

Прежде всего нужно самой твердо решиться не пить никогда ничего спиртного **и не позволять давать детям хотя бы понемножку.** Надо развить отвращение и презрение к питью спиртных напитков, к алкоголизму, как к позорному остатку старого рабства. Когда-то господа и капиталисты продавали крестьян как щенят, «били по морде» и рабочих и крестьян, высасывали из них все соки. А чтобы терпели покорно, одурманивали их и выдуманными предписаньями божьими и спиртными напитками.

Во-вторых, надо **сговориться с теми, кто тоже хочет чистой жизни,** без пьянства и разгула. Надо сговориться, чтобы вместе стараться повернуть дело в другую сторону. **Советское правительство предоставило для этого ряд прав и возможностей—надо ими пользоваться.**

Прежде всего закон Совнаркома от 4 марта 1927 г. [1] дает право совершенно запрещать торговлю водкой во всяком отдельном городе или части города. Для этого требуется только, чтобы большинство взрослых жителей и жительниц этого района или большинство рабочих и работниц той фабрики, какая находится в этой части города, — приняли постановление о прекращении продажи водки и представили его на утверждение в местный совет (поселковый совет, горсовет). В рабочих по-

[1] В настоящее время заменен законом 29 января 1929 г., еще более расширившим борьбу против алкоголизма (примечание 1929 г.).

селках женщины сплошь и рядом могут составить большинство даже сами, а особенно вместе с тою частью мужчин, какая не сочувствует питью. На многих фабриках (особенно текстильных, резиновых, швейных и т. д.) работницы тоже могут вполне составить большинство, тем более с непьющей частью мужчин. Например на той же Яхромской мануфактуре из всех рабочих на женщин приходится почти две трети.

Одновременно надо жестоко усилить борьбу с шинкарством, с тайной продажей водки и самогона. Должно стать правилом обращение в милицию при каждом случае, когда узнаешь о шинкарстве. Иначе не принесет всей пользы и запрещение открытой продажи. Только будут хлестать вместо водки саммогон, лишь несколько пожалуй, поменьше из-за риска тайной продажи и покупки.

Кроме права совсем запрещать продажу, закон 4 марта 1927 г. дает право запрещать ее при желании только частично. Например — запретить продажу во все праздники, в кануны праздников, в дни получки и в обеденные перерывы по будням. Там, где не удается собрать большинства голосов для полного запрещения — надо проводить постановление хотя бы о таком частичном запрете. Во многих случаях уже такой частичный запрет будет сильным ударом развитию алкоголизма. Например на фабриках главное пьянство идет в дни получки (и очень вредно отзывается также выпивка в обеденные перерывы). Женщины-делегатки и вообще женщины могут сыграть большую роль в подготовке и принятии таких решений.

Советская власть издала законы, дающие возможность избавляться от алкоголизма — хотя водка приносит государству доход. Если будут пить меньше водки, самогона и пива, то на оставшиеся средства будут

больше покупать сахара, мануфактуры и т. д. Значит, вместо дохода от водки государство будет иметь доход от сахара и т. п. Поэтому можно смело бороться с алкоголизмом, не боясь принести этим вред государству. Наоборот, если вместо вредной и ослабляющей водки и самогона население будет больше покупать полезных вещей, как сахар, одежда и пр., то и рабочая сила населения будет больше и лучше. От этого выиграют и сами работники и вся страна в целом.

Женщины состоят членами кооперативов и клубов. Надо добиваться на общих и делегатских собраниях, в лавочных комиссиях и при перевыборах правлений,— чтобы кооперативы и клубы совершенно прекратили торговлю водкой и пивом, всякими спиртными напитками (коньяк и пр.). Для этого не требуется даже никакого утверждения со стороны местного совета — достаточно провести постановление среди самих членов.

Советский закон постановил, чтобы во всех школах учителя преподавали вред от алкоголизма, об'ясняли бы его рабское происхождение и печальные последствия (порча внутренних органов у человека, преждевременная смерть, уменьшение работоспособности и т. д., вред для общества). Но во многих местах это не делается. Женщины, как матери, постоянно посещают родительские собрания при школах — надо настоять, чтобы везде происходило преподавание учетилями вреда алкоголизма.

В некоторых местах с большой пользой применяют общественное воздействие на пьянствующих. Отказываются с ними танцовать, ходить на прогулки и т. д., пока те не подписывают своего рода «коллективный договор» — обещание полгода или год не пить ничего спиртного (в том числе самогон и пиво) под угрозой штрафа. Само собой при всяких вечерах в клубах, при

экскурсиях за город и т. п. надо бороться, чтобы вместо алкогольных напитков туда допускали только хлебный квас, фруктовые воды и тому подобные безвредные напитки. Надо эти вопросы ставить на собраниях и давать по ним бой, не смущаясь от первой неудачи, если она будет. «Хорошо смеется тот, кто смеется последний».

Формы и способы борьбы с алкоголизмом многочисленны и разнообразны. Не надо забывать и таких вещей, как пред'явление местным советам требования открыть специальные учреждения для лечения больных запоем (диспансеры, больницы). Ибо во многих случаях запойное пьянство — болезнь, могущая быть излеченной врачебным вмешательством. А внимания к этой стороне жизни было до сих пор мало.

Женщины должны всюду учреждать ячейки и отделения Обществ борьбы с алкоголизмом и устраивать такие Общества (устав можно получить бесплатно из Москвы, написав по адресу: Москва, улица Огарева, дом 12. Обществу борьбы с алкоголизмом. Создание в каком-либо городе или деревне такого Общества, хотя бы маленького на первое время, создает центр для борьбы за здоровую культурную жизнь против остатков старого рабского быта. Это даст толчок устройству вместо пьянства более разумных развлечений: спортивная площадка, кинопередвижка, громкоговоритель, безалкогольная чайная и закусочная и т. д. Принимать в такое Общество надо непьющих и таких пьющих, которые согласны стараться избавиться от спиртных напитков.

Главная работа Общества — создать в рабочей и крестьянской среде настроение против выпивок и питья, стойко повести борьбу против них всякими средствами, не смущаясь возможных насмешек первое время и до-

биваться запрещения продажи, строгого преследования шинкарей, леченья больных запоем и создания более разумных развлечений. Всем этим каждая женщина — участница Общества — сделает полезную и нужную работу для всего дела социалистического строительства новой жизни. А коммунистки и делегатки взяться за эту работу прямо обязаны — своей партийной и своей общественной ролью.

21 мая 1928 г.

5. Дети и борьба с алкоголизмом. [1]

Одна из «священных» заповедей буржуазного мира — «дети не участвуют в политической борьбе». Эта заповедь нарушена нашим пионерским движением.

Дело не в простом принятии резолюции политического свойства, когда дети только повторяют взрослых, только стараются осознать то, что общепризнано взрослыми их класса.

Имею в виду нечто большее — политическую борьбу в точном смысле этого слова, т. е. вмешательство организованных детей в разрещение спорных вопросов. Наш СССР в полугодие август 1928 г. — февраль 1929 г. (и несколько позже) был свидетелем своеобразной попытки массового давления со стороны детей на решение серьезного спорного вопроса государственной деятельности. Это — вопрос об административном ограничении государством производства и продажи водки и пива.

За все существование советской власти это был первый опыт вмешательства детей в управление государством — и опыт неплохой. Дети проявили общественную чуткость, размах, энергию, напористость, уменье использовать благоприятно сложившуюся обстановку.

---

[1] Напечатано в «Правде» 18 августа 1929 г.

Положение было такое. Среди «взрослых» вопрос еще не был решен. В газетах и журналах шли споры. Существовавшая в то время пятилетка комиссии Госплана намечала, наоборот, значительный рост производства водки и пива. Законы об ограничении продажи еще не были изданы, даже самые скромные. Пиво еще господствовало в рабочих клубах, водка была легальным продуктом в столовых, общественные «банкеты» даже по случаю революционных дней не мыслились без вина на столе, в дни получки были открыты все кабаки, а сеть пивных и лавок Центроспирта как бы специально облегала крупнейшие предприятия. В кооперативных лавках водка продавалась вне очереди, иногда до ночи, в рабочей среде выпивка и пьянство почти не считались зазорными, сами родители приучали детей к водке и пиву, как к естественному составному элементу их воспитания.

Рост прогулов и расхлябанности на производстве в связи с ростом алкоголизма, увеличение числа несчастных случаев «по пьяной лавочке» на транспорте и на заводах, вереница растрат и разложения на почве кутежей, нередко среди недавних выдвиженцев, рост пьяного хулиганства в городах и в деревне и ряд подобных явлений — все это вызвало здоровую «противоалкогольную» тревогу основных кадров. Именно взрослые «коренные» рабочие почти полностью заполнили начавшие образовываться на предприятиях к лету 1928 г. ячейки борьбы с алкоголизмом — фабрично-заводская молодежь и «новые» рабочие и по сию пору почти не участвуют активно в этом движении.

Развертывание нового движения привлекло к нему общественное внимание, но в то же время натыкалось на огромную косность, тяжелую инерцию быта, непонимание, враждебность, издевательство. Серьезные люди в

газетах, на собраниях выступали против административного ограничения производства и продажи алкогольных напитков, как против вредного дела, чуть ли не как против опасной для государства агитации. Деятели Госплана доказывали в газетах, что не надо сокращать водку по пятилетке. Споры среди «взрослых» членов того же класса и партии долго оставались практически не решенными, а водка и пиво в рабочих центрах и поселках пока невозбранно продолжали свои печальные «завоевания». Тогда неожиданно пионеры вывели на улицу сотни тысяч детей.

Выход на улицу детского противоалкогольного движения был стихийным, но очень дружным. Первые уличные демонстрации детей против пьянства родителей произошли в провинции — в Донбассе, в Вологодском районе. Стоило известиям об этом появиться в газетах, как по рабочим районам страны прошла целая цепь массовых детских уличных демонстраций против пьянства родителей и против алкоголизма вообще. За короткий срок они произошли более чем в ста городах, и с тех пор нередко имеют место то здесь, то там. Тысячные толпы детей собирались в дни получек у фабричных ворот, у пивных, у водочных лавок, энергично пытаясь воздействовать на своих отцов. В некоторых местах происходили эксцессы — например детская демонстрация била стекла в окнах лавки Центроспирта. На общерабочем шествии 7 ноября 1928 г. по случаю Октябрьской годовщины почти во всех крупных центрах видны были колонны детей с плакатами: «Долой водку», «Против пьяных отцов», и т. д.

Массовые выступления детей произвели несомненное впечатление на рабочую общественность и повлияли этим на ускорение решения спорных вопросов. «Пионерское шефство над

борьбой с алкоголизмом взрослых рабочих и крестьян» внесло свою долю в общие достижения. Рабочие дети прекрасно на себе испытали прелесть родительского алкоголизма — недоедание, побои, трудности в ученье, распад семьи, потеря работы и т. д. и т. д. Всего этого достаточно для об'яснения дружности и живности их реакции (отклика), когда вопрос был поставлен на очередь.

После внушительных своих уличных выступлений против алкоголизма пионерство переходит теперь к систематической работе в этой области. Крайне характерны некоторые решения, принятые 15 августа 1929 г. московской конференцией областного слета пионеров с Обществом борьбы с алкоголизмом. Вот основные из них:

«1) Требовать от своих старших товарищей и руководителей—от комсомольцев—отказа от выпивки.

2) Бороться с алкоголизмом родителей путем демонстраций и т. п. и бесед и помощи родителям в организации домашнего быта.

3) Бороться со спаиванием детей родителями и родственниками вплоть до лишения родительских прав и отобрания детей по суду.

4) Добиваться противоалкогольного преподавания в школе.

5) Проверить выполнение Моссоветом постановлений избирателей и детей к отчетно-перевыборной кампании Моссовета по детской линии».

Вот они, наши советские рабочие дети, наши пионерки и пионеры. Правильно! Проверяйте Моссовет «по детской линии» и налегайте на комсомольцев!

Свой детский, но тяжелый опыт жизни в затронутых алкоголем семьях пионеры выразили своим вмешательством в управление государством. Советское государство может только благодарить своих юных граждан за такое участие.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Главлит № А-47647. Тираж 15000

8-я тип. „Мосполиграф“, ул. Фридриха Энгельса, 46.